

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И.И.МЕЩАНИНОВ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
УРАРТСКОГО
ЯЗЫКА

Часть вторая

СТРУКТУРА
ГЛАГОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · Ленинград
1 0 0 2

А Н Н О Т А Ц И Я

Книга содержит подробное описание системы спряжения урартского глагола. Рассматриваются также глагольные наклонения и прочие случаи развития глагольных основ. В самостоятельных главах проводится сопоставление синтаксических конструкций урартского и живых кавказских языков, а также анализируется Келишинская надпись (билингва).

Издание рассчитано на специалистов по древним языкам Кавказа и Передней Азии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Структура урартского глагола в ведущих разновидностях его грамматических форм детально разработана А. Гётце и И. Фридрихом. Их выводы, дополненные собственными, легли в основу соответствующих глав фундаментального труда Г. А. Меликишвили „Урартские клинообразные надписи“. Тщательно им собранный лексический материал, сведенный в словарь, учитывает все варианты графической передачи слова с используемыми в нем грамматическими формами. Тем самым уточняется их значение в строении предложения и выполняемая ими синтаксическая функция, что, благодаря этому труду, создает исключительно благоприятные условия для проведения анализа действующих в языке грамматических построений.

Присоединяясь к даваемым объяснениям наличных в урартском языке грамматических форм, я позволяю себе дополнить их своими отдельными замечаниями. В целях уточнения выступающих в данном языке глагольных построений мною привлекается здесь к сравнению их синтаксическое использование в других языках. В первую очередь я останавливаюсь на типологических сопоставлениях строя урартского предложения с ним же в структурно близких картвельских языках Кавказа. В истории развития их грамматических форм исследователи этих языков устанавливают периоды, предшествующие образованию временных вербальных форм. В предшествующие периоды выделяются аспекты длительного незаконченного действия и законченного в своем движении (пермансив и аорист). Эти два аспекта получили свое отражение и на современном построении предложения в тех же картвельских языках с их делением на временные группы глагола. В сходном положении выступает и урартский глагол в письменных памятниках Биайны. Но такие же аспекты, с тем же их содержанием, прослеживаются не только в древних периодах истории развития упомянутых языков Кавказа. Они выступают и в ряду не родственных с ними младописьменных языков в их ныне действующем грамматическом строе. Это даст основание к привлечению материалов также и этих языков, чем расширяются рамки проводимых мною типологических сопоставлений.

Группы времен, выделяемые в картвельских языках, сводятся по своему содержанию к тем же аспектам. Незаконченное дей-

ствие (1-я группа времен, ср. пермансив) сочетается в грузинском языке с номинативным строем предложения. Ему противопоставляется завершённое действие, получающее эргативную конструкцию при переходном глаголе. В мегрельском языке пермансивная группа сохраняет номинативный строй предложения, тогда как аористная выделяется единым активным падежом подлежащего. В чанском языке эргативная конструкция при переходном действии выступает в обеих временных группах в отличие от непереходного с именительным падежом подлежащего.

Эргативная конструкция получает в приведенных языках различные синтаксические построения. В одних она связана и с временным делением по группам и с семантикой глагола, различающей переходность и непереходность действия. В других та же конструкция предложения сочетается только с видо-временными аспектами (ср. мегрельский язык). Приведенные сопоставления различных систем построения предложения картвельских языков выявляют близость к ним грамматического строя урартского языка и уточняют особенности его синтаксической структуры, а также выступающего в ней глагола.

В урартском, как и в картвельских языках, глагол может получать и одноличные и двухличные грамматические формы. Но в урартском языке глагол может оформляться не только одним субъектным суффиксом, но и одним объектным, передавая им двусторонние субъектно-объектные отношения и тем самым не образуя пассивного построения вербальной формы. Конструкция урартского предложения соответствует синтаксической конструкции чанского. Эргативный падеж подлежащего имеет специальную грамматическую форму активного падежа, в ином значении не употребляемого. Этот падеж выделяет переходное действие во всей структуре предложения при всех выступающих в нем временах. Что касается самих времен, то по урартским письменным памятникам их выделяется только два: настоящее-будущее и прошедшее совершённое, ср. аспекты длительного действия и законченного в своем движении. При их паличии отпадает деление на залого, но сохраняются модальные оттенки наклонов.

В отдельной главе даю анализ текста Келишинской билингвы, устанавливая место, занимаемое ею в корпусе урартских надписей царствования Ишпуина.

СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия наук.
- Аргишти — летопись Аргиштия I, ее текст см.: Г. А. Меликишвилн, Урартские клинообразные надписи. М., 1960, под № 127 (стр. 210—232).
- ДАН-В — Доклады Академии наук СССР, серия „В“.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.—Пг.—Л.
- Кар.-Бл. — В. В. Пиотровский. Кармир-Блур. Ереван, т. I — 1950, т. II — 1952.
- Келишин — Келишинская билингва, текст ее см.: Г. А. Меликишвилн. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, под № 19 (стр. 125—131).
- Кологран — И. И. Мещанинов. Кологранская надпись. Известия АН СССР, ООИ, 1932, № 1, стр. 79—90.
- лиц. — лицевая сторона (надписи).
- М. Гр. — Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.
- Над. — Г. А. Меликишвилн. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Ник. — М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья, Материалы по археологии Кавказа, вып. V, М., 1896.
- Нор-Баязет — И. И. Мещанинов. Халдская надпись из Нор-Баязета. ДАН-В, 1925, № 8, стр. 167—174.
- обор. — оборотная сторона (надписи).
- ООИ — Отделение общественных наук.
- Сард. лет. — Н. Я. Марр. Надписи Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пб., 1922. (Заглавными буквами обозначены соответствующие столбцы надписи по их нумерации, проведенной Tseretheli).
- стрк. — строка (надписи)
- Сурб-Погос — И. И. Мещанинов. Стела Сардура в Ване, Сурб-Погос. Известия АН СССР, ООИ, 1932, № 2, стр. 161—166.
- Caucasica — J. Friedrich. Beiträge zur Grammatik und Lexikon des Chaldischen. „Caucasica“, VII, VIII, Leipzig, 1931.
- Corpus — C. F. Lehmann-Haupt. Corpus inscriptionum chaldicarum [альбомы надписей]. Berlin—Leipzig, I — 1928, III — 1953.
- JRAS — A. H. Sayce. The Cuneiform Inscriptions of Van. Journal of the Royal Asiatic Society, London, 1882, 1884, 1894, 1901, 1906.
- NF — Neue Folge.
- Orientalia — J. Friedrich. Aus verschiedenen Keilschriftsprachen. 1—2. Orientalia. Nova Series, IX, fasc. 3. Roma, 1940.
- RIIA — Revue Hittite et Asiatique, Paris.
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
- ZA — Zeitschrift für Assyriologie, Leipzig.

СПРЯЖЕНИЕ УРАРТСКОГО ГЛАГОЛА

Глагол в урартском языке, в точном соответствии с присущим этому языку эргативным строем предложения, противопоставляет переходные формы спряжения непереходным, ясно противопоставляя основы глаголов по их значению переходности и непереходности действия.

В урартском языке выделяются два строя спряжения. Один образуется от основ, снабженных показателем переходности действия (гласный *u*), и получает личные окончания по строго выдержанной схеме. Другая система личных окончаний выступает при непереходных основах глаголов, получающих исходный гласный-а (-*ai*, -*i*). Благодаря особенностям повествовательных текстов урартской клинописи в центре структуры речи становится сам повествователь. Поэтому в построении предложения 1-е и 3-е лица выделяются четко. Формы 2-го лица выступают только в повелительном наклонении.

Парадигмы спряжения переходных и непереходных глаголов различны, но некоторые их грамматические формы совпадают. Наблюдается также сходство ряда показателей лиц в глаголе с падежными окончаниями в именах. Таков суффикс -*bi*, выступающий в переходных глаголах показателем 1-го лица, а в непереходных — 3-го лица. Окончание же 1-го лица непереходного глагола -*di* соответствует грамматической форме направительного падежа. Равным образом, редко встречающееся окончание 1-го лица множественного числа переходного глагола -*še* аналогично такому же окончанию активного (эргативного) падежа. Показатели объекта при переходных глаголах в 3-м лице единственного числа -*ni* и множественного числа -*li* повторяют показатели именительного падежа, получающего при переходных глаголах объектное значение (винительный падеж отсутствует). Эти особенности языка урартской клинописи характеризуют строй изучаемого языка, генезис же наличных грамматических форм продолжает оставаться неясным. По материалам самих клинописных текстов установить историю их развития не удастся, соответствующих же параллелей с родственными языками систематически не проводилось. Имеются лишь отдельные сопоставления с малоазийскими языками (А. Гюль, П. Фридрих, М. Шеретли, Гр. Ка-

панцян, Г. А. Меликишвили) и иберийско-кавказскими (Н. Я. Марр, Г. В. Церетели, А. С. Чикобава).

Урартский глагол полисинтетичен, так же как и глагол в иберийско-кавказских языках. Построение одного и того же глагола может содержать в себе не только показатель действующего лица (подлежащего), но и показатель предмета действия (прямого дополнения). Возможно также включение показателя косвенного объекта,¹ что, равным образом, свойственно иберийским языкам Кавказа. За отсутствием лингвистических классов, которые в языке урарту не прослеживаются, согласование глагола с именами проводится личными показателями, субъектными и объектными. Глагол, таким образом, управляется соответствующими именами, согласуясь с подлежащим и дополнениями, но он в свою очередь и управляет ими же, так как переходный глагол требует при себе подлежащего в особом активном (эргативном) падеже, а прямого дополнения — в именительном, тогда как при непереходном глаголе подлежащее получает ту же падежную форму, какую имеет прямое дополнение при глаголе переходного действия (именительный падеж). Личные окончания глагола, выражая полностью указываемое ими лицо, в особенности субъекта и объекта, устраняют необходимость помещения соответствующих местоимений в позициях подлежащего и дополнений, чем и объясняется сравнительно редкое использование личных местоимений. Единственное и множественное числа различаются как в показателях лиц субъекта, так и в показателях объекта, но при единственном числе объектного показателя в глаголе допускается постановка нескольких объектов, в особенности при перечне покоряемых стран. Форма 1-го лица множественного числа непереходного глагола по наличным текстам не устанавливается.

Во всех четырех сотнях биайнских текстов удается в глагольной форме установить лишь два времени, соответствующие аспектам картвельских языков. Одно из них выражает длительное действие, передаваемое в процессе его совершения (дюративный аспект, пермансив), другое же констатирует совершившийся акт, представляющийся говорящему лицу уже в застывшем, законченном состоянии (аорист).

Наиболее ясно выступают грамматические формы аориста, что объясняется содержанием наличных текстов. Надписи, в своем подавляющем числе, содержат описание завершенных урартскими царями деяний. В качестве говорящего лица выступает автор данного повествовательного текста. Поэтому речь ведется в 3-м лице, иногда в 1-м. Описания совершенных действий (покорение стран и городов, сооружение каналов и отдельных зданий) излагаются

¹ Примеры приводятся ниже.

в законченном виде, передаче которых соответствует аорист. Формы его и превалируют в урартских текстах. Другое время — аспект (дюративный, пермансив) используется преимущественно в формуле проклятия, в которой царь грозит пагубными последствиями всем тем, кто покусится на цельность надписи или же припишет себе те достижения, о которых повествует победный текст. В этом случае имеются в виду действия не завершённые в прошлом, а возможные в будущем. В полном соответствии с содержанием этих формул проклятия встречающиеся в них глаголы ставятся только в 3-м лице и во 2-м лице повелительного наклонения. Соответствуя скривам несовершенного вида картвельских языков,² урартский пермансив объединяет как настоящее, так и будущее время, являющиеся оба, в отличие от аориста, незаконченными. Ту же форму пермансива (-le), тоже в 3-м лице, получает глагол, начинающий повествовательный текст: ^mSardu-riše a-le 'Сардур говорит (повествует)'.

СПРЯЖЕНИЕ НЕПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА В АОРИСТЕ

Окончания лиц непереходного глагола прибавляются к основе, обычно снабжаемой показателем непереходности действия -а, который иногда заменяется гласным -і и написанием двух гласных -іа. Можно согласиться с И. Фридрихом, сводящим все эти три равноправно используемые формы к общему для них дифтонгу -аі, дающему на письме выпадение одного из сочетаемых гласных.³

Широкое использование дифтонга -аі и различная его передача в графике клинописных текстов подтверждается сопоставлением ряда несомненно однозначных слов. Примером такого рода использования названного дифтонга может служить написание имени страны Биайны, ср. в направительном падеже: Biain-aidi, Bianaiddi, Biainadi (Сард. лет. В, стк. 19, 35; Е, стк. 23), где различное начертание дифтонга -аі выступает как в самой основе собственного имени (Biaina, Biana), так и в падежном окончании, в котором возникло такое же стечение гласных (Biaina-idi, Biaina-di), ср. также в род. пад. множ. ч.: Biainaue, Bianaue (Над. № 170, стк. 8; № 134, стк. 8; № 130, стк. 20).

Такое же использование дифтонга -аі в его полном и усечённом написании прослеживается и в глагольных формах, ср.: ulušt-ai-bi (Corpus, 14, стк. 15), ulušt-a-bi (Corpus, 21, стк. 7),

² См.: А. Г. Шанидзе. Изменение системы спряжения глагольной категории вида в грузинском и его наследиях. Сообщение АН Грузинск. ССР, III, 1942, № 9, стр. 953—958.

³ J. Friedrich. Einführung in die Urartische. Mitteilungen der Vorderasiatischen-Aegyptischen Gesellschaft, Bd. XXXVII, III. 3, Leipzig, 1933, §18, стр. 4—5; ср.: Г. А. Мелниченко. Урартские глагольные формы. М., 1960, стр. 66.

sulušt-i-bi (Corpus, 27, стк. 14). Наглядным примером могут быть два текста одного и того же содержания с использованием одних и тех же слов: uštabi ^mMenuani ^mIšpuinieḫi uluštaibi ^dHaldini 'выступил Менуа сын Ишпуина, впереди шел бог Халд' (Corpus 27, стк. 5—6); uštabi ^mMenuani ^mIšpuinieḫi uluštabi ^dHaldini (Corpus, 21, стк. 5—7). В совершенно аналогичном контексте стоит один и тот же глагол в отмеченных двух его написаниях: ulušt-ai-bi, ulušt-a-bi. Однозначимость данного написания (-ai, -a) выступает с полной ясностью.

Подтверждается отнесение сюда же И. Фридрихом глагольной формы с окончанием основы -i (ср. *sulušt-i-bi*), понимаемой как усечение того же дифтонга -ai. Параллельного написания полного и усеченного дифтонга -ai, -i не имеется, равным образом начертания *sulušt-a-bi* не встречается. Все же приводимый одиночный пример с глаголом *suluštibi*, в котором основа непереходного глагола оканчивается не на -a, а на -i (*sulušt-i*), обращает на себя внимание и может показаться убедительным. Этот глагол встречается в ряде текстов одного и того же содержания, в которых описываются действия побежденного врага, ср.: ^mUtupuršini ŠARRU ^mDiaueḫi nunabi kaiukid šatuali kurieli *suluštibi* (Corpus, 27, стк. 12—14). Этому контексту дается перевод: 'Утупурши царь Диауехи пришел ко мне, обнял колени-мои [и] пал ниц' (Caucasica, VIII, стр. 147), ср.: nunabi ^mMurinini ^mAbilianiḫi šatuali ^mSardurini kurili *suluštibi*, что в даваемом переводе значит: 'пришел Мурини Абилианихи обнял колени Сардура пал ниц' (Сард. лет. С, стк. 36—38). Общее содержание текста, описывающего поведение покоренного царя, понятно, но значение отдельных слов продолжает оставаться спорным. Тем не менее, при всех делаемых оговорках, отнесение *suluštibi* к числу непереходных глаголов сомнения не вызывает. За это говорят и другие сходные контексты, ср.: nunabi kauki ^mNidini ŠARRU MĀTU Uelikuḫi *suluštibi*, где выступают два непереходных глагола, стоящие оба в 3-м лице ед. ч. (-bi), но с различными огласовками глагольной основы (-a, -i): nun-a-bi, *sulušt-i-bi*; перевод: 'пришел ко мне Нидини царь страны Уеликухи, пал ниц (умолял)' (Сард. лет. F, стк. 19—20, ср. там же близкое по контексту E, стк. 53).⁴

Приведенный материал свидетельствует, что исходная огласовка основы -i, так же как -ai, -a, относится к числу вербальных грамматических форм, выступающих в аористе. Помещение в одной фразе двух глаголов (nun-a-bi, *sulušt-i-bi*), передающих дей-

⁴ См.: M. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Heidelberg, Bd. XXX, 1928, стр. 48—49; J. Friedrich. Einführung ins Urartäische, стр. 60, 66.

ствие одного и того же лица, дает возможность уверенно говорить о непереходном значении обоих. И тот и другой глагол оформлены по непереходному спряжению. Оба они оканчиваются на *-bi*, которое только в непереходных глаголах передает 3-е действующее лицо, а так как непереходное значение глагола *nun-a-bi* 'пришел-он' не подлежит сомнению, то и тут же стоящее *sulušt-i-bi*, снабженное тем же показателем лица, может быть лишь непереходным глаголом. Все это заставляет считать огласовку *-i* равным образом огласовкою непереходного глагола. Остается невыясненной причина постановки в данном случае гласного *-i* вместо обычного *-a* и более редких *-ai*, *-ia*.

Видеть в окончании глагольных основ *-i* грамматическое выражение наклонений и видов не приходится, так как при аористном аспекте, передающем завершённое действие, видовая разновидность является излишнею. Что же касается наклонений, то усматривать в гласном *-i* придачу глаголу модального содержания затруднительно. В других непереходных глаголах не прослеживается подобного построения, поддающегося точному истолкованию; что же касается самого глагола *suluštibi*, то он в иной форме не используется.

В урартских надписях встречается еще другой глагол с той же огласовкой основы: *aištibi* (М. Гр. 12, стк. 9; Corpus 55), но перевод этого глагола продолжает оставаться неясным. К. Ф. Леманн-Гаупт видит в *aištibi* переходный глагол в 1-м лице аориста и переводит его 'назначил, предоставил, отвел-я' ('*ich habe bestimt, zugewiesen*' Corpus, стр. 82—83). И. Фридрих считает тот же глагол, по аналогии с *suluštibi*, непереходным, стоящим в 3-м лице, и склоняется к переводу его: 'проскакал-он' ('*galopriert?*', *Caucasica*, VIII, стр. 146). Мой перевод этого глагола 'поставил-я' (ДАН, 1929, стр. 35—36) может, равным образом, вызывать сомнения. Точное значение названного глагола продолжает оставаться спорным.

Встречается еще одна форма *kuluar-šibi*, напрашивающаяся на параллель с *šibu* и *šabi*. Если была бы уверенность в таком вербальном построении слова *šibi*, то мы имели бы три искомые разновидности грамматических форм от одной и той же основы: *ši-i-bi*, *ši-u-bi*, *ši-a-bi*, но такой уверенности нет. Последние две формы явно глагольные. Из них первая (*ši-u-bi*) представляет собой переходный глагол в 1-м лице аориста со значением близким к глаголу *par-u-bi* 'ушел, уехал', ср.: '*aše SAL-lutu parubi MĀTU Biainaidi* 'мужчин и женщин увел в страну Биайну' (Сард. лет. В, стк. 18—19); '*aše SAL-lutu istini parubi* 'мужчин и женщин там я увел' (Сард. лет. С, стк. 9—10); '*aš^{III} SAL-lutu^{mes} istinini šibi MĀTU Biainaidi* (Сард. лет. В, стк. 9—10); '*aše SAL-lutu^{III} parubi MĀTU Biainaidi* (Сард. лет. В, стк. 22—23).

Глагол *šiabi* выступает в значении непереходного глагола 'пришел-он', ср.: *šiabi kauki suluštibi* 'пришел-он ко мне, пал-он ниц' (там же, стк. 53). Что же касается слова *kuluaršibi*, то по редкому его употреблению и по контексту трудно с уверенностью относить его вообще к сложным глагольным формам. В таком построении *kuluaršibi* его восстанавливает Г. А. Меликишвили (Урартские клинообразные надписи, стр. 286, 400). Этот глагол встречается только два раза в одной и той же строке Сардуровых летописей (F, стк. 27). Г. А. Меликишвили дает ему в тексте самих летописей условный перевод 'бежать, сбежать'.

Таким образом явно глагольной формой с основой на *-i* и с более достоверным переводом остается пока одно *suluštibi* 'пал ниц, умолял-он'. Все же наличие этого бесспорно непереходного глагола дает основание считать исходную огласовку основы *-i* также за показатель непереходности действия. Ясным показателем непереходности действия в аористе остается наиболее часто встречающееся *-a*, восходящее к дифтонгу *-ai*, *-ia*.

Личные окончания непереходного глагола в аористе: *-di* — 1-е л. По форме совпадает с направительным падежом имен. В текстах часто встречаются в этой форме глаголы с семантикой направления: *uštadi* 'выступил-я', *nunadi* 'пришел-я', сочетаемые с указанием соответствующего места, что дает стечение глагола с именем, стоящим в такой же грамматической форме. И глагол и имя в этом случае оканчиваются на один и тот же суффикс *-di*. Это дало основание М. Церетели считать *-di* в глагольном оформлении не показателем субъекта, а суффиксом направленности, повторяющим в глаголе падежное окончание имени.⁵ Но в переходных глаголах, при наличии имени в направительном падеже, глагол выступает со своими личными окончаниями и не повторяет суффикса направительного падежа соответствующего имени существительного. При непереходных глаголах сохраняется данное его оформление и в том случае, когда в тексте отсутствует указание на место, куда действие направлено, что дает основание считать *-di* личным глагольным окончанием, тем более, что в формах 3-го л. обоих чисел тот же непереходный глагол получает не показатель направленности действия, а свои личные окончания (*-bi*, *-li*), ср.: *ušta-di MĀTU Etiuni-edi* 'выступил-я в страну Этиуни' (Сард. лет. А, стк. 13); ^m*Sarduriše ali ušta-di hau-bi* ^m*Arquqini MĀTU-nie* 'Сардур говорит: выступил-я [и] захватил страну Аркукини' (Ник. XV, стк. 3—4), *ĀLU Ardini-di nuna-be* ^m*Išpuinini* 'в город Ардини (Мусасир) пришел Ишпуини' (Corpus, 12, стк. 17); *ušta-li ĀLU Meišta-edi* ^m*Išpuinini* ^m*Sarduriehe* ^m*Meinuanī* ^m*Išpuiniehe* 'выступили в город Меишта Ишпуин сын Сардура

⁵ М. T'soretelli, Die neuen haldtschen Inschriften... , стр. 30.

[и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 15, стк. 10—12). Локативный суффикс -di, наличный в именах, не передается также и в спряжении переходного глагола, ср.: 'aše SAL-lutu paru-bi MĀTU Bīaina-idi 'мужчин и женщин увел-я в страну Биайну' (Сард. лет. В, стк. 18—19).

-bi — окончание 3-го действующего лица в ед. ч. По грамматической форме совпадает с окончанием 1-го л. переходного глагола в том же ед. ч. аориста, ср. непереходный глагол: ušta-bi ^mMenuani ^mIšpuiniehi 'выступил-он Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 27, стк. 5), в переходном глаголе: ^mSarduriše ale hau-bi III Ê.GAL 'Сардур говорит: захватил-я три цитадели' (Сард. лет. А, стк. 7).

-li — окончание 3-го действующего лица во множ. ч. По форме совпадает с окончанием 3-го л. объекта во множ. ч. переходного глагола и показателями множ. ч. имен существительных и прилагательных, ср. непереходный глагол: ušta-li ^mIšpuinini ^mSarduriehi ^mMeinuanī ^mIšpuiniehi 'выступили-они Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Corpus, 13, стк. 25—28); переходный глагол и имена во множественном числе: zadu-li arnišini-li DAN.NU 'совершил-я-их деяния могучие' (Над. № 138, стк. 8—9).

Основа непереходного глагола снабжается соответствующим показателем (-a, -ai), к которому прибавляются окончания лиц в единственном числе — 1-е лицо -di, 3-е лицо -bi, во множественном числе — 3-е лицо -li: ušt-a-di 'направился-я', ušt-a-bi 'направился-он', ušt-a-li 'направились-они'.

Возможно, что суффикс множественного числа непереходного глагола имеет грамматическую форму общую с переходным -ali, ср. такое написание, как uš-ta-a-li (Над. № 24, лиц., стк. 10). Постановка этого суффикса при основе глагола, получающего показатель непереходности действия -a, дает стечение двух одинаковых гласных -a, что могло привести к отпадению одного из них, ср. uš-ta-li (Над. № 23, стк. 2).⁶ Глагольная основа (ušta-) подлежит сохранению. Следовательно, суффиксом множественного числа и в этом случае остается одно -li. При переходном глаголе такого стечения одинаковой огласовки не получается и суффикс множественного числа в 3-м лице имеет свою полную форму -ali: šidištu-ali.

Все три показателя глагольных лиц используются и в ином назначении: суффикс -di соответствует окончанию направительного падежа, суффикс -bi при переходном глаголе выражает не 3-е, а 1-е лицо, суффикс -(a)li служит в то же время показателем

⁶ Можно полагать, что и в uš-ta-a-li имеет место лишь графический повтор гласного -a, часто помещаемый в аналогичных написаниях.

именительного падежа во множественном числе, ср: ušta-di MĀTU Urmeie-di 'направился-я в страну Урмию' (М, Гр. 9 С, стк. 2—3).

Здесь и глагол и место направления действия снабжены одинаковым суффиксом -di. Непереходный глагол ušta-bi 'направился-он' и переходный глагол hau-bi 'захватил-я' оканчиваются оба одним и тем же показателем -bi, означающим в первом случае 3-е действующее лицо, а во втором — переход действия с 1-го лица на 3-е. Построение глагола ušta-li 'направились-они' можно сопоставить с именными формами, ср.: inani-li arniušini-li I šali zadubi 'эти деяния в один год завершил-я' (Сард. лет. С, стк. 18). Здесь показателем множественности и в глаголе и в именах выступает суффикс -li, выражая в именах множественное число именительного падежа, а в глагольной форме 3-е лицо во множественном числе. Таким образом, из всех показателей лица непереходного глагола только -bi оказывается исключительно вербальным, но и он выступает в различных значениях в переходных и непереходных глаголах.

Как и в иберийско-кавказских языках глагол в урартском одноличен и многоличен. Глагол своими личными окончаниями передает отношения к субъекту и объекту, прямому и косвенному (ср. то же, например, в чанском языке). „Чанский глагол может быть одноличным, двуличным и трехличным; в одноличном глаголе обозначается только одно лицо, лицо субъекта (v-ore 'есмь'); двуличный глагол в процессе спряжения обозначает лица субъекта и объекта (m-ošlet'in-u 'он спас меня); ... с трехличным глаголом помимо субъекта внутренне связаны два объекта, .. но из этих объектов в глаголе обозначаются лица субъекта и одного из объектов, .. флексией второй объект в глаголе не представлен; следовательно, строго морфологически нет разницы между двуличным и трехличным глаголом... Чанский глагол может быть непереходным и переходным. Все одноличные глаголы являются непереходными, все трехличные — переходными, из двуличных глаголов — одни переходные, другие — непереходные“.⁷

Урартский глагол отличается таким же полиперсонализмом. В нем выступают субъектное спряжение и объектное. Субъектное свойственно непереходному глаголу, который снабжается упомянутыми выше показателями действующего лица. Непереходный глагол может иметь также и суффикс косвенного объекта. Следовательно, он может быть одноличным и двуличным, ср. одноличные построения: ušta-di, ušta-bi, ušta-li 'направился-я, направился-он, направились-они' и двуличные построения: hašialme ILU^{mes} 'прислушались ко мне (соблаговолили) боги', где непереходный

⁷ А. С. Чикобава. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. Тбилиси, 1936, стр. 218, 220.

ходный глагол haši-a-l-me стоит в 3-м лице множественного числа с показателем непереходности действия (-a) и 3-го лица во множественном числе (-li, усечено -l). Глагол заканчивается энклитическим местоимением -me 'мне, меня'. Таким образом непереходный глагол в урартском языке одноличен, когда выражает одно только действующее лицо (субъект), и двухличен в том случае, если сверх того получает показатель косвенного объекта.

СПРЯЖЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА В АОРИСТЕ

Структура переходного глагола значительно сложнее. Показателем переходности действия выступает гласный -u, завершающий глагольную основу. По содержанию своих личных окончаний переходный глагол одноличен, двухличен и трехличен, передавая как субъект, так и объекты, прямой и косвенный. В глаголе получает свое выражение лишь один из этих объектов, поэтому и трехличное содержание сводится, как и в иберийско-кавказских языках, к двухличной грамматической форме (обозначением косвенного объекта устраняются показатели прямого).

Более ясно выделяются окончания лиц в единственном числе — при 1-м действующем лице -bi, при 3-м -ni, во множественном числе 3-е лицо субъекта -i(tu), объекта -(a)li. Менее ясно выступает 1-е л. множ. ч. -še, встречающееся в одиночных надписях, ср.: ^mIšpuiniše ale ^mSardurieḫini ieše ^mMenuaše ^mIšpuinieḫiniše ^mInušruaše ^mMenuaḫiniše ^dHaldiei susie šidištuše (Corpus, 11, стк. 2—6, 18—22, 34—38). В надписи говорится о сооружении святилища бога Халда тремя лицами, следовательно, глагол, передающий их действие (šidištuše), должен стоять во множественном числе. Но в этом повторяющемся три раза тексте названный глагол не может передавать действия 3-го лица, для выражения которого используется иная суффиксация, ср.: ^mIšpuiniše ^mSardurieḫiniše ^mMenuaše ^mIšpuinieḫiniše ^dHaldiei susi šidištuni 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина Халдово святилище построили-его' (Corpus, 16, стк. 1—2, 6—7). Кроме того, своеобразное окончание глагола šidištu-še сочетается с необычным написанием царского имени.

При анализе данного текста следует иметь в виду, что встречающиеся в урартских надписях повествования, начинающиеся после слова ale 'говорит', излагают совершенное деяние или в 3-м лице, или в 1-м. Царь описывает то, что сделано, или то, что он сам сделал, ср.: ^mMenuaše ale ^mUtupuršini ŠARRU ^mDiaueḫi punabi kaiukid šatuali kurieli suluštibi 'Менуа говорит: Утупурши царь Диауехи пришел ко мне, обнял колени, пал ниц' (Corpus, 27, стк. 12—14). При переходном глаголе (ale 'говорит') подлежащее стоит в эргативном падеже (^mMenua-še). Имя царя Утупурши, стоящее при непереходном глаголе pun-a-bi 'пришел-он', постав-

лено в именительном падеже, как и следует подлежащему при глаголе непереходного действия.⁸ Переходный глагол *šat-u-ali* согласован с объектом во множественном числе *kurie-li* 'колени'. Здесь урартский царь излагает имевшее место событие в 3-м лице, ср. также в 1-м лице, когда царь говорит о своих собственных действиях: ^mMenuaše ale ḥaubi ^mDiaueḥi MĀTU-nie 'Менуа говорит: захватил-я Диауехи страну' (Corpus, 27, стк. 6—7); ^mSarduriše ali uštadi ḥaubi ^mArquqini MĀTU-nie 'Сардур говорит: направился [и] захватил-я страну Аркукини' (Ник. XV, стк. 3—4). Рядом поставлены два глагола в одном и том же 1-м лице, но с различными его показателями в зависимости от непереходности и переходности передаваемого глаголом действия: *ušt-a-di* — непереходный глагол, *ḥa-u-bi* — переходный.

В упомянутой выше ванской надписи Тебриз-капуси (Corpus, 11), с ее необычным написанием глагола *šidišt-u-še*, Ишпуин после слова *ale* 'говорит' упоминает не полное свое имя с отчеством, как это обычно для остальных надписей, а только одно отчество, в связи с чем последующее *ieše* может быть выделено как самостоятельно стоящее местоимение 1-го лица,⁹ за которым следуют поставленные в эргативном падеже имена сына Ишпуина Менуи (^mMenua-še ^mIšruinieḥini-še) и внука Инушпуя (^mInušrua-še ^mMenua-ḥini-še). Весь текст, при этом вполне допустимом толковании, получает следующий перевод: 'Ишпуин говорит: сын Сардура (потомки Сардура) я, Менуа сын Ишпуина [и] Инушпуя сын Менуи Халдово святилище соорудили (воздвигли)-мы'. Глагол в таком случае может быть понят как стоящий в 1-м лице множественного числа (*šidišt-u-še*).¹⁰ Эта редко встречающаяся глагольная форма с суффиксом *-še* еще нуждается в исследовании. В надписи corpus 86 (М. Гр. 15—16—17) встречается еще и другая форма — *zadiše*, в которой можно было бы усмотреть сходное глагольное построение с суффиксом лица *-še* от глагольной основы *zadu* 'делать', ср.: *zadi-bi* 'сделал-я', но эта надпись не поддается дешифровке. Равным образом возникает сомнение в возможности отне-

⁸ Конечный слог *-ni* может входить в основу имени (*Utupuršini*), но может выступать и в качестве суффикса имен собственных, стоящих в именительном падеже при глаголах, ср.: *puḥabe ^mIšruini-ni* 'пришел Ишпуини', где имя царя снабжено дополнительным суффиксом *-ni* (Corpus, 12, стк. 17, билингва Келишина), ср. также: *uštabi ^mMenuani* 'направился (выступил) Менуа' (Corpus, 27, стк. 5). Здесь имя царя Менуа снабжено тем же суффиксом (^mMenua-ni).

⁹ Местоимение *ieše* в этом его значении неоднократно встречается в урартских текстах, ср.: *ieše ini pile agubi* 'я этот канал провел'. (Corpus, 34, стк. 10 и др.).

¹⁰ Такого мнения придерживается Гётце (ZA NF, V, стр. 105), основываясь на чтении Леманн-Гаупта (Corpus, стр. 23). Сомнения имеются у И. Фридриха (Caucasica, VII, стр. 66), ср.: Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 67—68.

сения встречающегося в надписи Мхер-Капуси слова *manuše* к глагольной основе *manu-* (Corpus, 18, стк. 2, 34). Гораздо больше оснований отнести *manuše*, так же, как и стоящее ранее его *ardiše*, к именам существительным, основы которых на *-še* хорошо известны, ср.: *alsuiše* 'всличие', *bauše* 'слово', *meše* 'подать, дань', *ulguše* 'жизнь' и др.¹¹

Что касается других личных глагольных окончаний, а именно 1-го лица *-bi*, 3-го лица *-ni* в единственном числе, 3-го лица субъекта во множественном числе *-(i)tu* и объекта в том же числе *-(a)li*, то их значение устанавливается рядом контекстов и сравнительными сопоставлениями с двуязычными ассиро-урартскими надписями. Со времен Сэйса (JRAS, 1882) за этими глагольными окончаниями закрепилось значение субъектных показателей. Опыт более детального к ним подхода сделан в 1928 г. М. Церетели, использовавшим указания А. Гётце.¹² По мнению М. Церетели, названные глагольные суффиксы выступают показателями не субъекта, а объекта. Объектное значение суффиксов *-ni* и *-li* признал также и И. Фридрих (Caucasica, VII).¹³ Всё же эти объектные показатели сочетаются в построении глагола с активным (эргативным) падежом подлежащего на *-še* и именительным падежом прямого дополнения, давая тем самым, как утверждает Г. В. Церетели, активное построение предложения с переходным глаголом (М. Гр. стр. 18—19). Г. В. Церетели, издавая биайнские(урартские) надписи Музея Грузии, приходит к выводу, что „в спряжении урартского переходного глагола мы имеем полную аналогию с картвельскими языками“ (там же). Все эти отдельные замечания и разъяснения заслуживают особого внимания.

Наличные грамматические формы урартского переходного глагола стоят в тесной связи с выражением как деятеля, так и предмета действия, поэтому в построениях переходного глагола выступают и субъектные и объектные показатели. Их значение наиболее ясно видно в примерах использования глаголов с личными окончаниями *-ni* и *-(a)li*.

Эти два показателя лица устанавливаются в своем значении более точно. Они выражают не 3-е действующее лицо, а направ-

¹¹ Слово *ardiše* стоит в названной надписи после глагола *teruni* в позиции прямого к нему дополнения: *teruni ardiše* 'установил-он жертву (закон?)'. Перевод слова *ardiše* 'жертва' дается мною условно, с учетом контекста всей надписи, говорящей о жертвоприношениях богам биайнского пантеона. По тому же контексту у слова *ardiše* возможно также значение 'закон, правило'.

¹² М. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften. . . , стр. 63—69; А. Goetze, ZA NF, V, 1929; его же статья в RHA, VI, fasc. 22, 1936, стр. 179—198; RHA, VI, fasc. 24, 1936, стр. 266—282.

¹³ Объектное значение этих же показателей лица переходного глагола (*-bi*, *-ni*, *-li*) признает также и Г. А. Мелашвили, см. ук. соч., стр. 68.

ленность действия 3-го лица на объект, стоящий в том же лице, причем в зависимости от числа объекта может меняться указанный выше показатель, выступая при единственном числе объекта (-ni) и при множественном его числе (-li, -ali). Действующее же лицо остается в том же единственном числе, если нет специального его показателя, который включается в глагольную форму при множественном числе 3-го лица субъекта, ср. построение глагола при одном действующем лице: karuni ŠARRU ^mEriaḫi MĀTU-ebanie karuni ^mAbilianihī MĀTU-ebanie tequali ^mSardurika 'победил он царя страны Эриахи, победил страну Абилианихи, поверг их пред Сардуром' (Сард. лет. С, стк. 20—22). Речь идет о походе халдова воинства (воинство бога Халда), которое покорило эрахского царя и страну Абилианихи. Глагол при каждом из этих объектов стоит в единственном числе (karu-ni), но эти же два покоренных объекта повергнуты пред Сардуром: ^mSardurika(i). Поскольку в последнем случае говорилось уже о множестве объектов (царь и страна), то и глагол получил показатель -li, -ali (tequ-ali), хотя деятелем продолжает оставаться одно и то же лицо (воинство). Следовательно, показатели -ni и -(a)li, прибавляемые непосредственно к глагольной основе, связаны с 3-м действующим лицом в его единственном числе, но передают число объекта.

Не менее ясно значение названных глагольных суффиксов выступает в надписи из с. Гюзак (Corpus, 56): ^dHaldie eurie ini pulusi ^mMenuaše ^mIšpuiniḫiniše kuguni iu ^dHaldinili BĀBU šidištuali Ê. GAL šidištuni baduse teruni ^dHaldii patari tini 'богу Халду владыке эту надпись Менуа сын Ишпуина начертал, когда Халдовы ворота соорудил-он [и] цитадель построил главенствующую (?). Установил-он имя города Халда' (стк. 1—11).¹⁴ Действующим лицом остается один и тот же Менуа (^mMenua-še в эргативном падеже), но объект меняется. При множественном числе халдовых ворот (^dHaldini-li BĀBU) глагол получает показатель множественного числа (šidištu-ali), при единичном объекте Ê. GAL 'цитадель' тот же глагол оканчивается на -ni (šidištu-ni). Таким образом оба приведенные суффикса передают число объекта (-ni в ед. ч., -ali во множ. ч.), но они же связаны с единственным числом субъекта в 3-м лице. Следовательно, ими передаются субъектно-объектные отношения единой грамматической формой.

Такое грамматическое значение суффиксов -ni и -ali, передающих действие 3-го лица единственного числа на 3-е же лицо предмета действия в различных его числах, подтверждается тем,

¹⁴ Обычно даваемый слову baduse перевод 'разрушенный' возбуждает сомнения. Ему более соответствует значение: крупное, величественное, господствующее над местностью сооружение, являющееся центром резиденции.

что при других лицах глагольное построение изменяется. При действии 1-го лица на 3-е в том же единственном числе выступает другой суффикс (-bi), а при действии 3-го лица множественного числа включается специальный суффикс -(i)tu, к которому в свою очередь могут присоединяться те же самые объектные показатели. Последние, сочетаясь в данном случае с субъектным показателем, уже сохраняют за собою одно лишь объектное содержание. Следовательно, при нулевом показателе субъекта суффиксы -ni и -ali сами являются носителями субъектно-объектного значения, передавая соответствующее число объекта, на который направляется действие единичного субъекта в его 3-м лице. Таково построение урартского переходного глагола при единственном числе 3-го лица субъекта.

При действии 1-го лица субъекта в том же единственном числе субъектно-объектные отношения передаются равным образом одной грамматической формой. Действие, направленное на один объект, оформляется суффиксом -bi (zadu-bi 'сделал-я-его'). Для передачи же действия, направленного на множество объектов, используется тот же суффикс -ali, но лишенный начальной огласовки (-li). Этот суффикс (zadu-li 'сделал-я-их') выступает без специально выраженного субъектного показателя и замещает суффикс -bi, передающий действие 1-го лица на 3-е в единственных числах, ср. примеры использования суффикса -li при 1-м действующем лице; этот суффикс выступает со значением множественного числа как в глаголе, так и в именах, присоединяясь к их основе: ^mRusaše ^mSarduriḫiniše ale ieše ini-li e bani-li... bura aštu-li 'Русса сын Сардура говорит: эти страны... покорил-я-их' (Кологран, стк. 1—3); nunadi šidištu-li ini-li Ê.GAL^{mes} 'пришел [и] построил-я эти цитадели' (там же, стк. 15); šali šišṭini kieidanu-li ^{lu}ḫuradinie-li MĀTU Eriaḫiniedi 'на третий год отправил-я войска в страну Эриахи' (Сард. лет. В, стк. 27—30; то же Corpus, 19 обор., стк. 4); ^mArgištiše ali... zadu-li arnišini-li DAN.NU 'Аргишти говорит... совершил-я дела великие (букв.: мощные)' (Над. № 138, стк. 7—9).

Суффикс -bi получает в урартских надписях более широкое, чем суффикс -li, употребление, обозначая действие 1-го лица на 3-е в любых его числах, следовательно, выступает и при множестве объектов, в особенности, когда глагол отделяется от них другими словами или стоит после них, ср.: inanie-li arniušini-li šusini šali zadu-bi 'эти дела в один год совершил-я' (Сард. лет. В, стк. 53—55); ^{lu}ḫuradini-li uelidu-bi 'воинов собрал-я' (Сард. лет. F, стк. 2) и др. Но и суффикс -li, в указанном его значении, встречается неоднократно. Оба эти суффикса прибавляются к самой основе.

Помещение при первом действующем лице двух различных суффиксов в зависимости от грамматического числа объекта по-

зволяет прийти к заключению, что как *-li* при множественном числе объекта, так и *-bi* при любом его числе, передают субъектно-объектные отношения одной грамматической формой. Тождество *li* с показателем множественного числа не подлежит сомнению, но при *-li* отсутствует показатель субъекта, и этот суффикс, применяемый при 1-м действующем лице, получает иную грамматическую форму, чем суффикс того же значения при 3-м действующем лице, ср.: *zadu-li* 'сделал-я-их', *zadu-ali* 'сделал-он-их'. Тем самым оттеняется грамматической формой отношение данного объектного суффикса к действующему лицу.

Что касается суффикса *-bi*, обычного для обозначения объекта в единственном числе, то и его субъектно-объектное значение тоже не подлежит сомнению, так как он никогда не сочетается с соответствующим объектным показателем, всегда выступает самостоятельно и всегда выражает действие, переходящее на другой предмет.

Суффикс *-bi* означает 'я-его', суффикс *-li* — 'я-их'. Таким образом и *-bi* не является исключительно субъектным показателем. Им передается действие 1-го лица на 3-е лицо, чем, возможно, и объясняется совпадение этого суффикса в переходном и в непереходном глаголе; в последнем этот суффикс обозначает 3-е лицо, ср.: *ḥau-bi* 'взял-(я)-его', *nuna-bi* 'пришел-он'. Подтверждением этому может служить и то, что падеж подлежащего при непереходном глаголе (падеж субъекта) служит в то же время и падежом прямого дополнения при переходном (падеж объекта). Падеж субъекта непереходного глагола и падеж объекта при переходном совпадают. В построении глагола наблюдается та же схема: субъектный показатель непереходного глагола выступает объектным в переходном. Ср.: *ᵐUtupuršini ŠARRU ᵐDiaueḥi nuna-bi kaiukid* 'Утупурши царь Диауехи пришел-он ко мне' (Corpus, 27, стк. 12—13); *ḥau-bi ᵐDiaueḥi MĀTU-nie* 'захватил-(я)-его Диауехи страну' (там же, стк. 7).

Проведенный анализ материала приводит к следующему выводу: значение имеет как число субъекта (в данном случае единственное), так и число объекта. При единственном числе действующего лица субъектно-объектные отношения передаются одной грамматической формой, которая изменяется в зависимости от того, действует ли 1-е лицо или 3-е, и от того, на какое число объекта направлено действие. Таким образом показатели меняются в зависимости от числа объекта, но они же зависят и от лица субъекта, хотя последний не выявлен специальным показателем, к которому присоединялся бы соответствующий объектный суффикс.

При одном действующем лице выступает различная суффиксация в зависимости как от лица субъекта, так и от числа объекта.

1-е действующее лицо получает суффикс *-bi* при единичном объекте и *-li* при множестве объектов;¹⁵

3-е действующее лицо получает суффикс *-ni* при единичном объекте и *-ali* при множестве объектов; ср.: Ê.GAL *baduse šidištu-bi* 'цитадель величественную (?) построил-(я)-ее' (Нор-Баязет, стк. 5; Кологран, стк. 17); *nunadi šidištu-li inili* г.GAL^{meš} 'пришел [и] построил-я-их эти цитадели' (Кологран, стк. 15); Ê.GAL *šidištu-ni baduse* 'цитадель построил-(он)-ее величественную (?)' (Corpus, 56, стк. 8—9); ^dHaldinili BĀBU *šidištu-ali* 'Халдовы ворота построил-(он)-их' (Corpus, 56, стк. 6—7).

Суффиксы *ni* и *-(a)li* оказываются общими для имен и глаголов. Первый из них многозначен. Он выражает принадлежность, имея в этом употреблении притяжательное значение, ср. приведенное выше: ^dHaldinili BĀBU 'Халдовы ворота (врата)', где имя бога *Haldi* получило суффикс *ni* (^dHaldi-*ni*) для придания ему значения принадлежности. Тот же суффикс служит окончанием аблатива в значении исходного и инструментального падежей, ср.: ^dHaldinini alsuišini 'величием бога Халда (Халдовым величием)'. Названным суффиксом заканчиваются оба слова: *alsuiše* 'величие' и ^dHaldini. Последнее стоит в притяжательной форме (^dHaldi-*ni* 'Халдово', 'принадлежащее Халду'), представляя тем самым стечение двух *-ni* в их двойном значении (^dHaldi-*ni-ni*). Первое передает притяжательность, а второе — орудийность. Тот же суффикс *-ni* оформляет в именах собственных именительный падеж, выступающий также падежом прямого дополнения при переходном глаголе, выражая в данном случае объект, ср.: *karu-ni MĀTU Etiuni-ni* 'победил страну Этиуни' (Ник. VI, стк. 2), где имя страны Этиуни заканчивается названным суффиксом, так же как и глагол *karu-ni* 'победил-(он)-его'. В обоих словах данный суффикс получает объектное значение.

Оба суффикса, *-ni* и *-(a)li*, выступая в глаголе и именах, образуют в предложении группировки слов с одинаковым окончанием, получившимся в итоге согласования, в котором соответствующая суффиксация оказалась сходною. Глагол в этом случае выделяется показателем переходности действия *-u*, завершающим его основу и стоящим перед личными окончаниями: *kar-u-ni MĀTU Etiuni-ni* 'покорял-(он) страну Этиуни'; ^dHaldi-*ni-li* BĀBU-*li* *šidišt-u-ali* 'Халдовы ворота построил-(их)'. Объект во множественном числе (^dHaldini-*li* BĀBU-*li*), как и относящийся к нему глагол (*šidištu-ali*), снабжены одним и тем же суффиксом *-li*, *-ali*. Объект в единственном числе, передаваемый именем собственным (*Etiuni-ni*), сопровождается глаголом с таким же суффиксом *-ni* (*karu-ni*).

¹⁵ Как уже отмечалось выше, суффикс *-bi*, обычно выступающий при одном объекте, используется и при их множественном числе.

Те же два показателя выступают и при множественном числе субъекта в 3-м лице, но в этом случае они передают одностороннее отношение к объекту, так как во множественном числе субъекта включается особый его показатель — суффикс *-(i)tu*. Являясь окончанием 3-го лица множественного числа переходного глагола, этот суффикс выступает как самостоятельно, так и в сопровождении указанных объектных показателей: *-itu* 'они', *-itu-ni* 'они-его', *itu-li* 'они-их'.

Субъектный показатель *-itu* присоединяется к глагольной основе без обычного показателя переходности действия (*-u*). Тем самым обнажается глагольная основа с ее исходным согласным звуком, например: *at-itu* 'пожрали, изничтожили-они', основа *-at*, ср. в 1-м лице *at-u-bi* 'изничтожил-я'; *ħarħarš-itu-li* 'разрушили-они-их'; основа *ħarħarš*, ср. *ħarħarš-u-bi* 'разрушил-я'; *ħa-itu* 'захватили-они', основа *ħa*, ср. *ħa-u-bi* 'захватил-я'.

Суффикс *-itu* может выступать в усеченном виде, утрачивая начальный гласный (*-tu*). Присоединение названного суффикса в этом виде к основе глагола дает стечение согласных, например: *par-tu* 'увели-они', от основы *par-*, ср. *par-u-bi* 'увел-я'; *ter-tu* (графически *teirtu*) 'поставили, установили-они', основа *ter*, ср. *ter-u-bi* 'поставил, установил-я'. Наличное написание *teirtu*, вместо ожидаемого *tertu*, находит себе объяснение в особенностях используемой графической системы. Показатель 3-го лица множественного числа переходного глагола *-(i)tu*, благодаря слоговой системе клинописи, имеющей однозвучные знаки только для гласных, затруднил написание стоящих рядом двух согласных, что и отразилось в отмеченном выше *tertu*, представленном в письме сочетанием трех согласных звуков *te-ir-tu*.¹⁶

Стечение согласных получается от присоединения суффикса *-itu*, утратившего свою начальную огласовку *-i*, к основе глагола, заканчивающегося согласным звуком. Такое сближение двух согласных может видоизменять глагольную основу также и независимо от действовавшей системы письма. В формах единственного числа переходного глагола, в которых сохраняется показатель переходности действия (*-u*), такого соединения согласных не получается, так как глагольная основа завершается названной огласовкой, ср. *zad-u-bi* 'сделал-я'. В формах же 3-го лица множественного числа личное окончание *-tu* присоединяется непосредственно к глагольному корню без упомянутого выше окончания с гласным показателем переходности действия (*-u*), что сближает

¹⁶ В надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18) повторяется дважды один и тот же текст, причем глаголу *te-ir-tu* во второй части надписи (стк. 34) соответствует *te-ru-ni* в первой части (стк. 2). Тем самым устанавливается их основа *ter-*. Едва ли в ней имеется дифтонг *-ei*, давший написание *teirtu*, так как соответствующих ему разночтений типа *te-ir-u-ni* и т. д. нигде не встречается. Огласовка основы *-e* выступает устойчиво.

согласные звуки, отражаясь тем самым на устойчивости глагольной основы. В связи с этим получились такие формы, как *zatumē* 'сделали-они-мне' и *zatuli* 'сделали-они-их', образовавшиеся в итоге сочетания глагольного корня *zad-* (ср. *zad-u-bi* 'сделал-я') и окончания 3-го лица множественного числа субъекта (*i*)*tu*, что дало *zad-itu*, а с утратой начальной огласовки личного окончания (*-i*) привело к стечению двух согласных *zad-tu* и к выпадению конечного согласного самой глагольной основы, сохранив наличные в клинописных текстах *zatumē* (*za-tu-me*)¹⁷ и *zatuli* (*za-tu-li*), ср.: *zatumē* 𐎠𐎢𐎰𐎠𐎢𐎰𐎠𐎢𐎰 'сделали-они мне дорогу, открыли-они-мне путь' (Сард. лет. Е, стк. 47). Форма *zatuli* 'сделали-они-их' (*za-tu-li*) встречается в надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18, стк. 33), в которой цари Ишпуин и Менуа говорят о сооружении ими *inili BĀBU^{mes}* 'этих ворот', где множественному числу объекта *inili BĀBU^{mes}* соответствует глагол с тем же показателем объекта *-li* и субъекта во множественном числе *-tu* (*za-tu-li*). Изменение глагольной основы имеет место и с глаголом *kigu-* 'чертить, писать (?)',¹⁸ который в единственном числе, благодаря наличию показателя переходности действия (*-u*), сохраняет полный вид своей основы, ср. *kig-u-ni* 'начертал-(он)-его', тогда как во множественном числе субъекта 3-го лица, даже при наличии разделяющей согласные звуки огласовки, сохранившейся в личном показателе *-itu*, получилось выпадение исходного согласного в основе глагола (*ku-itu*, вместо *kig-itu* 'начертали-они'), ср. в единственном числе субъекта: ^m*Meinuaše* ^m*Išruiniḫiniše* *ini pulusi kiguni* 'Менуа сын Ишпуина эту надпись начертал' (Corpus, 48, стк. 5—7), и во множественном числе субъекта: ^m*Išruiniše* ^m*Sarduriḫiniše* ^m*Menuaše* ^m*Išruiniḫiniše* *ini puluse kuitu* 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина эту надпись начертали' (Corpus, 14, стк. 1—4). В единственном числе субъекта глагол *kig-u-ni* сохраняет исходный *-g* своей основы, тогда как во множественном числе субъекта этот согласный звук выпадает (*ku-itu*). Неустойчивое положение интервокального *-g* отмечается не только в глаголах, ср. параллельные написания: *tuagi* и *tuaie* 'блестящий', *ebanigidi* и *ebaniedi* 'в страну', *uštadi... MATU Uelikunigidi ḫaubi MĀTU Uelikunini*

¹⁷ В этой глагольной форме конечное *-te* является энклитическим местоимением 3-го лица в его косвенном падеже со значением 'мне, меня'. Такое глагольное и даже именное построение встречается в урартской клинописи несколько раз, о чем см. ниже.

¹⁸ Г. А. Меликишвили восстанавливает основу *kuiū-*, исходя из таких ее начертаний, как: *ku-u i-tu-u-ni*, *ku-u-i-gu-u-ni*. Между тем повторная огласовка уничтожает слоговые знаки, образуя однобуквенное чтение *kuituni*, *kuiguni*. Тем самым восстанавливается основа *kuig-*, в которой дифтонг *-ui* мог передаваться одним *-u*, что и дало наличное написание *ku-u-gu-u-ni* (*kuguni*). Г. А. Меликишвили дает восстанавливаемой им основе условный перевод 'воздвигать (?)' (Урартские клинообразные надписи, стр. 69, 400).

‘направился-я... в страну Уеликуни [и] захватил страну Уеликуни’ (Сард. лет. F, стк. 17) и др.

По той же причине получилось совпадение форм 3-го лица единственного и множественного чисел в глаголе *šidištu-* ‘воздвигать, построить’, от которого образуется форма единственного числа субъекта с требуемой в этом случае огласовкой -и, присущей переходным глаголам (*šidišt-u*). К этой полной основе в единственном числе действующего лица прибавляются, как указывалось выше, показатели объекта в единственном числе -ni (*šidištu-ni* ‘построил-(он)-его’) и во множественном числе -ali (*šidištu-ali* ‘построил-(он)-их’). Суффикс субъекта в этих глагольных формах отсутствует. Во множественном числе того же 3-го действующего лица к той же глагольной основе, но без показателя переходности действия (-и), присоединяется личное окончание -tu, что и дало стечение двух одинаковых согласных (-t): *šidišt-tu-ni* ‘построили-они-его’ и затем выпадение одного из этих согласных: *šidiš-tu-ni*. В итоге получилось совпадение форм единственного числа субъекта со множественным.

Такое совпадение двух форм различного значения объясняется тем, что основа данного глагола оканчивается на согласный -t, который входит как в состав самой глагольной основы *šidišt-*, так и в состав упомянутого личного окончания -tu (3-е лицо субъекта во множественном числе), огласовка которого совпадает с показателем переходности действия -и. Когда образуются формы спряжения с единственным числом субъекта, глагольная основа сохраняет показатель переходного действия (*šidištu*), когда же образуются формы со множественным числом субъекта, то его личное окончание -tu прибавляется непосредственно к основе глагола без показателя переходного действия, что приводит к стечению двух -t и отпадению одного из них. Получилось *šidištu*, то есть та же форма, но с иной ее разбивкой по слагаемым частям: *šidišt-u*, *šidiš-tu*. К обоим одинаковым глагольным формам (*šidištu*) добавляется один и тот же показатель объекта в единственном числе -ni, что и дает отмечаемое совпадение, ср.: ^mMenuaše ^mIšpuniḥiniše ini Ê.GAL *šidištuni* baduse ‘Менуа сын Ишпуина эту цитадель построил величественную (?)’. Глагол *šidišt-u-ni* стоит в единственном числе субъекта с показателем объекта в том же числе (Corpus, 59, стк. 2—4): ^mIšpuiniše ^mSardurieḥiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše ^dHaldiei susi *šidištuni* ‘Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина халдово святилище построили’ (Corpus, 16, стк. 1—2, 6—7). При двух действующих лицах глагол получает их показатель во множественном числе (-tu), сохраняя показатель единичного объекта (-ni). В одном случае имеется *šidišt-u-ni* ‘построил-он-его’, а в другом *šidiš-tu-ni* ‘построили-они-его’, в чтении же — *šidištuni* в обоих случаях.

Расхождение получается в формах со множественным числом объекта, показатели которого различаются. При одном действующем лице используется объектный показатель *-ali*, при многих действующих лицах — *-li*, ср. *šidišt-u-ali* 'построил-он-их', *šidiš-tu-li* 'построили-они-их': ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše ^dḤaldinili BĀBU-li šidištuali 'Менуа сын Ишпуина Халдовы ворота построил' (Corpus, 67, 68, стк. 2—4); ^mIšpuiniše ^mSardurieḥiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḥiniše (^dḤaldi)inili BĀBU šidištuli 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина Халдовы ворота построили' (Corpus, 17, стк. 2—5).

Приведенные примеры указывают, что при 3-м действующем лице множественного числа показатели лиц различаются. Показатель объекта сохраняется тот же, что и при единственном числе субъекта, но последний получает свое особое выражение, ср. оформление глагола *kug-u-ni* в тексте, где Менуа говорит о начертании надписи на сооруженной им стеле (Corpus, 48, 56 и др.), и тот же глагол в тексте двух царей, Ишпуина и Менуа, повествующих о таком же действии. В последнем примере показателю объекта в единственном числе (*-ni*) предшествует показатель субъекта во множественном числе: *ku-itu-ni*, получившееся из *kugitu-ni* (Corpus, 15). В обоих глагольных формах, *kug-u-ni* и *ku-itu-ni*, выступает один и тот же показатель объекта *-ni*, но положение его различно. Включение показателя объекта при единственном числе действующего лица оказывается необходимым, так как одним объектным суффиксом передаются субъектно-объектные отношения. При множестве действующих лиц, когда показатели субъекта и объекта обособляются, употребление последнего оказывается уже необязательным, ср.: ^mIšpuiniše... ^mMeinuaše... *ini puluse kuitu* (Corpus, 14, стк. 2—4) и ^mIšpuiniše... ^mMeinuaše... *ini puluse kuituni* (Corpus, 15, стк. 2—4), 'Ишпуин... [и] Менуа... эту надпись начертали'. В обоих совершенно аналогичных текстах наличествует суффикс субъекта *-itu*, но объектный показатель *-ni* в первом примере отсутствует.

Таким образом при 3-м действующем лице во множественном числе его выступают субъектные и субъектно-объектные формы с одноличными окончаниями в первых и двухличными во вторых. Суффикс субъекта сохраняется в той же форме, а суффиксы объекта, когда они выступают в глаголе, меняются в зависимости от числа предмета, на который направлено действие. В текстах преобладают одноличные формы с одним только субъектным показателем, но встречаются и двухличные построения, причем и те и другие могут выступать в одном и том же тексте, ср.: *MĀTU-ebani ḥaitu ĀLU^{meš} ŠARAPU ḥarḥaršituli MĀTU-ebani atitu 'aše SAL-lutu MĀTU Biainadi partu* 'страну захватили, города сожгли, разрушили-они-их, страну разорили, мужчин [и] женщин в страну

Биайну увели-они' (Сард. лет. В, стк. 31—35). Речь идет о войнах, направленных в страну Эрах. Они захватили страну (*ḥa-itu*), разорили ее (*at-itu*), мужское и женское население увели (*par-tu*), города разрушили (*ḥarḥarš-itu-li*). Только последний из перечисленных глаголов имеет, кроме субъектного показателя, также и объектный (*-itu-li*).

Детальный обзор построения урартского переходного глагола приводит к определенным выводам. Личные окончания в глаголе занимают, как мы видели, различное положение в формах переходного глагола единственного и множественного чисел. Построение глагола полисинтетично. Оно связано и с субъектом и с объектом, поэтому признание личных глагольных окончаний за показатели только объекта (М. Церетели, А. Гётце) нуждается в значительных уточнениях. Это утверждение оправдывается приведенным выше разбором суффиксов *-ni* и *-li*, но и по отношению к ним следует иметь в виду особый характер передаваемых глаголом субъектно-объектных отношений. Суффикс *-itu*, как мы видели, к числу объектных показателей отнесен быть не может.¹⁹ При нем объектные показатели выступают самостоятельно. Следовательно, *-itu* передает лишь субъект в 3-м лице множественного числа. Только он один остается однозначным суффиксом, обращая в такие же однозначные суффиксы сопровождающие его объектные показатели *-ni* и *-li* в случаях их присоединения к глагольной форме. Но при единственном числе действующего лица выступают одни лишь суффиксы объекта и значение их тем самым осложняется, так как отсутствие отдельно выраженного показателя действующего лица возлагает на них одних передачу субъектно-объектных отношений.

Можно полагать, что в том же положении оказывается и окончание 1-го лица переходного глагола *-bi*. Отсутствие при одном действующем лице показателя субъекта придает лицу объекта двухличное значение, ср.: *ku-itu-ni* 'начертали-они-его' и *kuḡu-ni* 'начертал-(он)-его', *teku-ni* 'поверг-(он)-его', *teku-ali* 'поверг (он)-их'. Эти формы при единственном числе субъекта выступают настолько выдержанными в языке урартской клинописи, что, по аналогии с ними, сходное положение можно видеть и в суффиксе *-bi*, ср.: *karu-ni MATU Qumahaḥalii* 'победил-(он)-ее страну Куммух'; *karu-ali VI SARRU^{mes}* 'победил-(он)-их четырех царей'; *karu-bi^m Arquqini ebane* 'победил-(я)-ее Аргукини страну' (Сард. лет. D, стк. 47; E, стк. 36—37; F, стк. 22). Все выступающие здесь переходные глаголы различаются показателями лиц объекта; ср.

¹⁹ Этот суффикс и М. Церетели признает за показатель субъекта, хотя лишь в определенной группе глаголов, см. его: *Die neuere haldischen Inschriften. . .*, стр. 66.

тот же текст с глаголами непереходными и переходными, стоящими в одном и том же действующем лице, но, равным образом, с разными личными окончаниями: ^mSarduriše ale ikukani šali šišṭini ušta-di ^mArquqinie MÂTU-nidi (ebanidi) karu-bi ^mArquqini MÂTU-nie (ebanie) 'Сардур говорит: в том же году третьем направился-я в Аргукини страну, победил-я-ее Аргукини страну' (Сард. лет. F, стк. 21—22). Понимание суффикса -bi как объектного при 1-м действующем лице переходного глагола, направляющего свое действие на 3-е лицо (я-его), вводит этот суффикс в общую схему построения переходного глагола с единственным числом субъекта, не получающего в этом глаголе особого суффикса для своего выражения.

Передавая 3-е лицо объекта при субъекте в 1-м лице, этот же суффикс -bi совпадает с такой же формой окончания 3-го лица непереходных глаголов, ср.: ušta-bi 'направился-он', šidištu-bi 'построил-(я)-его'. Не один только показатель лица -bi выступает в двух противоположных значениях, выражая действующее лицо непереходного глагола и объект действия при переходном. В том же положении оказывается и суффикс -ali, ср.: ušta-ali 'направились-они' (Corpus, 14, стк. 9); šidištu-ali 'построил-(он)-их' (Corpus, 56, стк. 7). Тот же суффикс -(a)li, как и в единственном числе -ni, используются и в соответствующих именных формах единственного и множественного чисел субъекта при непереходном действии и прямого объекта при переходном. Такое положение не противоречит общей структуре эргативного предложения.

Личные окончания переходного глагола в аористе

-bi — показатель направленности действия 1-го л. ед. ч. на 3-е л. в обоих числах: ^mSarduriše ale... MÂTU-ebani ašgu-bi Ê. GAL^{mes} harharšu-bi ÂLU^{mes} ŠARAPU-bi MÂTU-ebani atu-bi 'aše SAL-lutu ištini paru-bi 'Сардур говорит:... страну захватил-я, цитадели разрушил, города сжег, страну разорил, мужчин и женщин туда (к себе на родину, то есть в Биайну) увел' (Сард. лет. С, стк. 5—10). Все глаголы, независимо от числа объекта, оформлены суффиксом -bi.

Переходные и непереходные глаголы имеют общий показатель лица -bi, но в различном его значении, ср.: šia-bi kauki suluštibi terulubi arume meše 'пришел ко мне [Кушташпили, царь страны Куммух], пал ниц, установил-я: дал-он-мне дань' (Сард. лет. E, стк. 53—54). В этом предложении выступают три глагола с одинаковым окончанием -bi: šia-bi, sulušti-bi, terulu-bi. Первые два — непереходные, с соответствующей огласовкой основы (ši-a-bi, sulušt-i-bi). Последний — переходный, с соответствующей огласовкой (terul-u-bi). Первые два говорят о действии 3-го лица —

покоренного царя, который пришел и пал ниц (умолял); глагол же *terulubī* относится к самому урартскому царю, Сардuru, повествующему от своего имени, то есть в 1-м лице — ‘установил-я-его (то)’.

-nī — показатель объекта 3-го л. ед. ч. при субъекте в 3-м же л. Когда действует одно лицо, этот суффикс присоединяется непосредственно к глагольной основе, снабженной показателем переходности действия (гласный *-u*); когда же действует множество лиц, тот же суффикс присоединяется к личному окончанию *-itu*, ср.: *kug-u-nī* ‘начертал-он-его’, *ku-itu-nī* ‘начертали-они-его’. Тот же суффикс *-nī* оформляет именительный падеж в именах собственных лиц и в топонимических названиях, ср.: *karu-nī MĀTU Etiuni-nī* ‘покорил-он-ее страну Этиуни’. Показателем множественного числа объекта выступает суффикс *-(a)li*.

-(a)li — показатель объекта 3-го л. множ. ч. При субъекте в 3-м л. ед. ч. данный суффикс в форме *-ali* присоединяется непосредственно к глагольной основе с ее показателем переходности действия (*-u*), то есть в том же положении, как и суффикс *-nī*, ср.: *kar-u-nī MĀTU Etiuni-nī* [Халдово воинство] победило страну Этиуни’ (Ник. VI, стк. 2); *kar-u-ali IV ŠARRU^{mes}* [Халдово воинство] победило четырех царей’ (Сард. лет. D, стк. 47); ^m*Menuaše* ^m*Išpuiniḫiniše ini susi šidišt-u-nī* ^d*Haldini-li BĀBU-li ši-dišt-u-ali* ‘Менуа сын Ишпуина это святилище построил-его, Халдовы ворота построил-их’ (Corpus, 66, стк. 2—4, 7—9); *ini Ê. GAL zad-u-nī* ‘эту цитадель воздвиг-он-ее’ (Corpus, 20, стк. 3); *ini-li BĀBU zad-u-ali* ‘эти ворота воздвиг-он-их’ (Corpus, 18, стк. 2). При деятеле в 1-м л. ед. ч. выступает показатель множества объектов *-li*, ср.: *ieše inili ebanili ... bura ašt-u-li* ‘эти страны ... покорил-я-их’²⁰ (Над. № 266, стк. 2—3); ^m*Argištiše ali ... zad-u-li arnišinili DAN. NU* ‘Аргишти говорит: ... совершил-я-их дела великие (букв.: мощные)’ (Над. № 138, стк. 7—9). Приведенные примеры указывают на тождество данного объектного показателя в глаголе (*aštu-li, zadu-li*) с показателями множественного числа в именах (*ini-li, ebanili, arnišini-li*). При множественном числе субъекта в 3-м лице, где выступает специальный его показатель *-itu*, тот же суффикс *-li* может к нему присоединяться, обозначая множество объекта.

-i(tu) — показатель 3-го л. субъекта во множ. ч. переходных глаголов (*-они*). Прибавляется непосредственно к глагольной основе, лишенной показателя переходности действия (*-u*): *par-tu* ‘увели-они’, в ед. ч. *par-u-bī* ‘увел-(я)-его’. Встречающееся в отдельных случаях стечение согласных звуков может приводить

²⁰ Слово сочетание *bura aštubi* ‘в раба превратил-я-его’.

к видоизменению основы глагола: *za-tu-li* получившееся из *zad-tu-li* (Над. № 27, стк. 33), ср. в ед. ч. *zad-u-ni* 'сделал-(он)-его'. К суффиксу субъекта *-itu* могут прибавляться соответствующие показатели 3-го лица объекта, упомянутые выше *-ni* для единственного числа и *-li* для множественного: *itu* „они“, *itu-ni* „они-его“, *itu-li* „они-их“. В одних и тех же контекстах глаголы встречаются как с субъектными и объектными показателями, так и с одними лишь субъектными (в 3-лице множественного числа), ср.: *ini puluse ku-itu* 'эту надпись начертали-они' (Сурб-Погос; Corpus, 4, стк. 3—4); *ini puluse ku-itu-ni* 'эту надпись начертали-они-ее' (Corpus, 15, стк. 4); *ÂLU^{mes} ... ħarħarš-itu-li* 'города разрушили-они-их' (Сард. лет. В, стк. 32).

-še — показатель 1-го л. субъекта во множ. ч. Приводится условно, так как эта грамматическая форма не устанавливается с достаточной ясностью.²¹

Общим для переходных и непереходных глаголов является показатель косвенного объекта *-me*.

В непереходных глаголах встречается выражение двухличных отношений (субъект и косвенный объект), ср. уже приводившуюся форму *ħašialme* 'прислушались-они ко мне, помогли-они-мне', где основа непереходного глагола с соответствующим показателем непереходности действия *ħašia-* снабжена еще и показателем множественности числа *-li* (*ħašia-li*) и получает сверх того местоименную приставку со значением косвенного объекта *-me* 'мне'. Такое же двухличное построение можно встретить и у переходных глаголов, ср. *zatumē* 'сделали-они-мне', от основы *zad-*, снабженной окончанием 3-го лица субъекта во множественном числе и тем же энклитическим местоимением (*za-tu-me*).

Особенностью таких глагольных образований является то, что прибавление косвенного объекта устраняет показатели прямого объекта. Поэтому при наличии показателя субъекта в 3-м лице множественного числа показатель косвенного объекта присоединяется непосредственно к нему (*za-tu-me*). Поэтому же в непереходных глаголах, где показатели прямого объекта отсутствуют, показатель косвенного объекта следует за субъектным показателем (*ħašia-l-me* 'помогли-они-мне'), а при действии одного лица в переходных глаголах, в которых субъектно-объектные отношения передаются одними объектными показателями, последние отпадают и показатель косвенного объекта присоединяется непосредственно к глагольной основе, ср.: *agu-ni* 'дал-(он)-его', *agu-me* 'дал-(он)-мне', при множественном числе субъекта *ar-tu-me* 'дали-они-мне' (Над. № 264, стк. 30).

²¹ Подробнее см. стр. 15 сл.

Парадигма спряжения урартского глагола в аористе

Непереходный глагол (показатель непереходности действия -а, -аі, -і):

- 1) ušt-a-di 'выступил (направился)-я'
- 2) ušt-a-bi ' " " " -он'
- 3) ušt-a-li 'выступили (направились)-они'

Переходный глагол (показатель переходности действия -u):

1) 1-е л. ед. ч. на 3-е л. ед. ч.	šidišt-u-bi	'построил-(я)-его'
2) 1-е " " " " 3-е " множ. "	šidišt-u-li	' " -(я)-их'
(Над. № 266, стк. 15) ²²
3) 3-е " " " " 3-е " ед. "	šidišt-u-ni	'построил-(он)-его'
4) 3-е " " " " 3-е " множ. "	šidišt-u-ali	' " -(он)-их'
(Corpus, 56, стк. 7)
5) 1-е " множ. "	šidišt-p-še	'построили-мы' (?)
(Corpus, 11, стк. 6, 38)
6) 3-е " "	(šidiš-tu)	'построили-они'
(в этой форме не встречается, но имеются нижеследующие производные от нее)
7) 3-е л. множ. ч. на 3-е л. ед. ч.	šidiš-tu-ni	'построили-оии-его'
(Corpus, 16, стк. 2, 7)
8) 3-е " " " " 3-е " множ. "	šidiš-tu-li	'построили-они-их'
(Corpus, 17, стк. 5, 11).

Приведенные формы встречаются в текстах от различных глаголов: zadu- 'делать', ħau- 'захватывать', kugu- 'начертывать';²³ ħarħaršu 'разрушать':

1) zad-u-bi	ħa-u-bi	ħarħarš-u-bi
2) zad-u-li	ħa-u-lie	ħarħarš-u-lie
3) zad-u-ni	ħa-u-ni	kug-u-ni
4) zad-u-ali (Corpus, 18, стк. 2)	ħa-u ali (Над. № 39, стк. 15)	
5) za-tu-me		
6)	ħa-itu (Сард. лет. V, стк. 31)	ku-itu (Corpus, 14, стк. 4)
7)		ku-itu-ni (Corpus, 15, стк. 4)
8) za-tu-li (Corpus, 18, стк. 33)		ħarħarš-itu-li (Сард. лет. V, стк. 32)

²² У часто встречающихся форм источники не указываются.

²³ В основе глагола, по-видимому, имеется дифтонг kuig-, в письме иногда опускаемый. Конечный согласный основы выпадает с прибавлением личного окончания -tu, присоединяемого непосредственно к глагольной основе с пропуском показателя переходного действия -u: kui-tu-ni; ср. такое же выпадение конечного согласного в za-tu-li при полном окончании основы zad-u-ni.

Значение приведенных форм можно видеть в следующем примере: ^mSarduriše ale ištiedi uštadi MÂTU Manaidi MÂTU-ebani ħaubi ÂLU^{meš} ŠARAPU-bi ħarħaršuli MÂTU-ebani atubi 'aše SAL-lutu parubi MÂTU Biainaidi . . . ikukani šali šišhini kieidanuli ^{lu}ħuradinieli MÂTU Eriaħiniedi MÂTU-ebani ħaitu ÂLU^{meš} ŠARAPU ħarħaršituli MÂTU-ebani atitu 'aše SAL-lutu MÂTU Biainadi partu 'Сардур говорит (ištiedi): направился-я в страну Мана, страну захватил, города сжег, разрушил, страну изничтожил, мужчин и женщин угнал в страну Биайну, . . . в тот же год третий направил-я воинов в страну Эриах, страну захватили-они, города сожгли, разрушили, страну изничтожили, мужчин и женщин в страну Биайну угнали' (Сард. лет. В, стк. 12—19, 26—35). Речь держит сам Сардур. Вначале он говорит в 1-м лице. В этой части его повествования стоят глаголы в единственном числе, выражая действия 1-го лица как в непереходном (ušt-a-di), так и в переходных глаголах (ħa-u-bi и др.). Этим же переходным глаголам в дальнейшем изложении соответствуют их же формы во множественном числе субъекта 3-го лица. Продолжая речь от своего имени, царь использует глагол kieidan-u-li, стоящий в том же 1-м лице ('направил-я'), но согласованный с прямым дополнением ^{lu}ħuradinie-li, поставленном во множественном числе ('воинов'). Поэтому и глагол в 1-м действующем лице оказался с показателем множественного числа -li. Дальше говорится о действиях посланных воинов, в связи с чем и соответствующие глаголы получили форму 3-го л. множ. ч.: ħa-itu 'захватили-они' (ср. ħa-u-bi 'захватил-я'); at-itu 'изничтожили-они' (ср. at-u-bi 'изничтожил-я'); par-tu 'угнали-они' (ср. par-u-bi 'угнал-я'). Только один глагол в этой серии взят с двумя показателями лиц (субъекта и объекта): ħarħarš-itu-li 'разрушили-они-их'; ср. в первом тексте — ħarħarš-u-bi 'разрушил-я'.

Приведенные парадигмы показывают, что непереходный глагол строится по субъектному спряжению, а переходный по объектному, за исключением глагола с 3-м действующим лицом множественного числа, спряжение которого проходит по субъектному строю. В связи с этим от переходного глагола 3-го лица множественного числа могут образоваться глагольные формы с двумя личными окончаниями (субъекта и прямого объекта). Пассивного построения глагола здесь нет. Его нет и в объектном строе спряжения переходного глагола при единственном числе действующего лица, так как объектные суффиксы и здесь передают направленность действия со стороны определенного лица: -bi 'я-его', -ni 'он-его', -ali 'он-их'. Поэтому при всех формах переходного глагола подлежащее ставится в одном и том же активном (эргативном) падеже на -še, ср.: ^mIšruiniše . . . ^mMešuaše . . . ini puluse kuitu 'Ишпуин . . . [и] Мешуа . . . оту надпись начертали'

(в глаголе суффикс субъекта *-tu*; Corpus, 14, стк. 1—4); ^mIšruin-*niše...* ^mMenuaše...*ini puluse kuituni* (в глаголе суффиксы субъекта и объекта *-tu-ni*; Corpus, 15, стк. 2—4); ^mMenuaše...*ini puluse kuguni* (в глаголе суффикс объекта *-ni*; Corpus, 89, стк. 5—8 и др.). Переходные глаголы в приведенных примерах выступают носителями одного (*-tu, -ni*) и двух личных окончаний (*-tu-ni*).

Переходный глагол в урартском языке остается при двухличном окончании также в том случае, когда в глагольную форму включается косвенный объект. Отстраняя показатель прямого объекта, косвенный объект (местоименная энклитика) присоединяется, как мы видели, к субъектному показателю, а там, где его нет, — непосредственно к основе глагола. Поэтому при деятеле в единственном числе косвенный объект становится на место прямого и тем самым сохраняет одноличное глагольное построение, ср.: *agu-ni* 'дал-(он)-его' и *agu-me* 'дал-(он)-мне'; во множественном же числе субъекта выступает двухличная грамматическая форма: *ar-tu-me* 'дали-они-мне'. Таким образом трехличные отношения (к субъекту, прямому объекту и косвенному объекту) сводятся в урартском языке к одноличным и двухличным построениям глагола.

Грамматическая форма глагола рассматривалась здесь по его синтаксическому положению и по его же лексическому содержанию, передающим отношения к субъекту и объекту. В основу легло противопоставление переходного действия непереходному. Глаголы непереходные и переходные получили различные построения. Те же грамматические формы используются в соответствующих временных группах. В урартском языке, по его наличным памятникам, образуются только два времени. Одно из них выделяет законченное действие, другое передает действие в процессе его совершения. Тем самым выделяются времена — аорист и настоящее-будущее. Урартский глагол различается в своих построениях также и по этим группам времен.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УРАРТСКОГО ГЛАГОЛА В АОРИСТЕ

Грамматическое построение урартского глагола ставит его в тесную связь с картвельскими языками, в которых глагол равным образом полиперсонален — он может быть одноличным, двухличным и трехличным. Так, например, в спряжении чанского глагола обозначаются лица субъекта и объекта (прямого и косвенного), причем показатели одного из объектов устраняют показатели другого. „Флексией второй объект в глаголе не представлял; следовательно, строго морфологически нет разницы между

двухличным и трехличным глаголом".²⁴ Та же система выступает и в языке Биайны. Кроме того резкое различие между глаголами переходного действия и непереходного в этом языке в точности соответствует основным свойствам глагола иберийско-кавказских языков. Эргативный строй предложения и построение в нем глагола выдержанно выступают в сравниваемых нами языках. Но, тогда как в чанском языке „в одноличном глаголе обозначается только одно лицо, лицо субъекта“,²⁵ в урартском языке в одноличном глаголе морфологически может быть выражено также и одно лицо объекта, ср.: *karu-ni MĀTU Etiuni-ni* 'покорил-(он)-ее страну Этиуни'. Все же и в этом случае передается отношение субъекта 3-го лица единственного числа к объекту в том же лице и числе. Таким образом двухперсональность глагола морфологически и здесь сводится к единоличному построению.

Одноличными являются непереходные глаголы, но они же могут иметь и показатели двух лиц, когда к суффиксу субъекта добавляется суффикс косвенного объекта, ср. пример с одним только субъектным показателем без косвенного объекта: *ĀLU Ardinidi pupa-li* 'в город Ардини (Мусасир) пришли-они' (Corpus, 12, стк. 1—2, 26) и с косвенным объектом, дающим двухличное построение: *hašia-l-me (hašia-li-me) ILU^{meš}* 'помогли-они-мне боги' (Сард. лет. E, стк. 7, 47; M; Гр. 18).

Переходный глагол в аористе может быть по своей грамматической форме: 1) одноличным, когда выступает один субъект в 3-м л. множ. ч., ср.: *'aše^{meš} SAL-lutu^{meš} MĀTU Biainadi par-tu* 'мужчин и женщин в страну Биайну увели-они' (Сард. лет. B, стк. 34—35); 2) одноличным, когда субъектно-объектные отношения передаются одним объектным показателем, что имеет место при действующем лице в ед. ч., ср.: *karu-ni MĀTU Etiunini* 'покорил-(он)-его страну Этиуни' (Ник. VI, стк. 2), суффикс *-ni* указывает на действия 3-го лица на 3-е же лицо в ед. ч. (он-его); *karu-ali IV ŠARRU^{meš}* 'покорил-он-их четырех царей' (Сард. лет. D, стк. 47), суффикс *-ali* обозначает действия 3-го л. ед. ч. на 3-е же л. множ. ч. (он-их); 3) одноличным, когда косвенный объект, замещая показатель прямого объекта, присоединяется непосредственно к глагольной основе, что имеет место при ед. ч. субъекта, ср.: *agu-me meše* 'дал-(он)-мне дань' (Сард. лет. E, стк. 54). Местоимение *me* 'мне' следует за глагольной основой; 4) двухличным, когда выступают оба показателя (субъекта и прямого объекта). Такое построение возможно при 3-м лице субъекта во множ. ч., ср. с объектом в ед. ч.: *ini puluse ku-itu-ni* 'эту надпись начертали-они-ее' (Corpus, 15, стк. 4), с объектом во множ. ч.: *ĀLU^{meš}...*

²⁴ А. С. Чикобава, ук. соч., стр. 218.

²⁵ Там же.

ḥarḥarš-itu-li 'города... разрушили-они-их' (Сард. лет. В, стк. 32); 5) двухличным, когда косвенный объект присоединяется к субъектному показателю, что возможно при том же 3-м действующем лице множ. ч., ср.: ar-tu-me ILU^{mes}-še 'дали-они-мне боги' (Над. № 264, стк. 30). Подлежащее стоит в эргативном падеже на -še, в отличие от ḥašia-l-me ILU^{mes} 'помогли-они-мне боги', где подлежащее при непереходном глаголе стоит в именительном падеже. Глагол ar-tu-me, так же как и ḥašia-l-me, имеет показатель косвенного объекта (-me), присоединенный к показателю субъекта.

ГЛАГОЛ В НАСТОЯЩЕМ-БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ (ПЕРМАНСИВ)

Пермансив в зависимости от стиля урартских клинописных текстов, излагающих завершённые события, выступает в начале повествования: ^mSarduriše ale 'Сардур говорит' и в заключительной формуле проклятия. В последней встречается ряд глаголов, не имеющих в других текстах. Наличие таких глаголов в названной формуле объясняется ее содержанием, направленным против возможных разрушителей надписи и противников излагаемых в ней деяний урартского царя. Все эти глаголы переходные и стоят в 3-м лице. Большинство их говорит о совершителе предполагаемых враждебных действий и потому стоит в единственном числе субъекта. Форму со множественным числом субъекта можно усмотреть в глаголе kulituni, поставленном в конце надписи, где автор ее обращается к богам Халду, Тейшебе и Шивини²⁶ и просит их возмездия. Глагол в этом случае стоит в 3-м лице субъекта множественного числа.²⁷

Все глаголы, стоящие в пермансиве, снабжены суффиксом -le (графически -lie, -li). Варианты его написания (-lie, -li) встречаются иногда в одной и той же надписи, ср.: ^mMenuaše ali aluše ini DUP. TE tu-lie aluše pitu-lie aluše ainiei inili du-li aluše uliše tiu-li ieše ini pile agubi 'Менуа говорит: кто эту стелу сломает, кто повредит, кто кому-либо (для кого-либо) это сделает, кто другой скажет: я этот канал провел' (Corpus, 34, стк. 7—10); ср. в другой надписи: aluše ainiei inili du-lie aluše uliše tiu-lie ieše ini pili

²⁶ О чтении Шивини вместо обычно принятого Ардини, см.: J. Friedrich, *Orientalia*, IX, fasc. 3, стр. 214—216.

²⁷ В подавляющем числе надписей на том же месте, в конце заклинательного текста, ставится глагол в обычной форме пермансива (uli-lie). Постановка здесь же глагола не в пермансиве получила свое объяснение в работах А. Гётце и Г. А. Меликишвили. В глаголе kulituni усматривается ими запретительная форма повелительного наклонения 3-го л. множ. ч., совпадающая с такой же формой аориста, см.: Г. А. Меликишвили, *ук. соч.*, стр. 73—74; А. Goetze. *Indefinites and Negations, Prohibitive and Imperative in the Urartean Language*. RHA, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 190—195. — Мое объяснение той же грамматической формы дается ниже.

agubi (Corpus, 35, стк. 8—11). Все приведенные глаголы, стоящие в пермансиве, оканчиваются суффиксом *-le*: *tu-lie*, *pitu-lie*, *du-li(e)*, *tiu-li(e)*. Названный суффикс прибавляется к основе переходного глагола с его показателем переходности действия *-u*. Исключение составляет глагол *a-le* 'говорит, повествует', но построение данного глагола продолжает оставаться неясным, так же как и его основа.²⁸

Материал для анализа пермансивных форм ограничен и сосредоточивается в заключительной части повествовательных текстов, весьма сходных по своему содержанию (формула проклятия). Тем не менее имеются разночтения, обращающие на себя особое внимание и в известной степени поясняющие структуру пермансивных форм. Одно из них содержится в последних строках заклинательного текста, там, где боги биайнского пантеона призываются к мщению. В этом месте обычно ставится глагол в приведенной выше форме пермансива: *ulule*. Названным глаголом передается ожидаемое от богов действие, направленное на преступное лицо — 'низвергнут-они' (*auie ululie* 'куда-нибудь уведут'), но в некоторых надписях для выражения карательного действия сходного содержания используются другие глаголы и с несколько иною грамматической формой: *kulituni* (Corpus, 13 обор., стк. 31), *turinini* (Над. № 36, стк. 33).

Основа тех же глаголов выступает также и в обычной форме пермансива, ср.: *aluše ini DUB.TE tu-lie* 'кто эту стелу ломает' (Corpus, 34, стк. 7); *aluše ini E.GAL ku-lie aluše ḥarḥaršu-lie* 'кто эту цитадель забросит (раздробит), кто разрушит' (Над. № 169, стк. 15—16). Из приведенных здесь трех глаголов один образован от часто встречающейся в надписях основы *ḥarḥaršu* 'разрушать'. От нее имеется аорист *ḥarḥaršu-bi* 'разрушил-я', от нее же образован пермансив *ḥarḥaršu-le* 'разрушит', ср. аорист: *E. GAL ḥarḥaršu-bi* 'цитадель разрушил-я'; пермансив: *aluše (ini E. GAL) ḥarḥaršu-le* 'кто (эту цитадель) разрушит'. В пермансиве суффикс *-le* по отношению к глагольной основе занимает то же место, что и личное окончание в аористе, но *-le*, как увидим ниже, не является личным окончанием.

В том же пермансиве выступают глаголы *tu-le* 'сломает, разобьет' и *ku-le*, которому, судя по контексту, можно дать перевод 'покинет, забросит, изничтожит'. Оба глагола стоят в пермансиве на *-lie (-le)*, показатели которого присоединяются к их основам.

²⁸ Можно видеть в *ale* пермансивную форму от основы *ar* (ср. *ar-u-ni* 'дал-он'). Показатель пермансива (*-le*), прибавленный непосредственно к основе глагола *ar-*, дал стечение двух согласных (*ar-le*). В итоге ассимиляции осталось одно *-l*. Получился пермансив *a-le* 'дает', в значении 'преподает, излагает', ср. аналогичное образование с глаголом *ter* 'установить, поставить' (*ter-u-ni* 'установил-он'), в пермансиве *te-lie* из *ter-lie*; см.: J. Friedrich, WZKM, XLVII, 1940, стр. 198—201.

Приведенный выше глагол с основой *ku-* выступает в той же формуле проклятия в контексте, где ставится пермансив. Он получает здесь грамматическую форму *ku-le-tu-ni*. Тот же глагол, стоящий в пермансиве (*ku-le*), оказался в данном случае носителем еще двух личных суффиксов *-tu-ni*. Эти суффиксы уже известны по их использованию в аористе для передачи субъектно-объектных отношений, ср. *ku-itu-ni* 'начертали-они-его'. В том же значении эти два суффикса получают свое объяснение и в приведенной осложненной форме пермансива *ku-le-tu-ni* 'забросят-они-его': *qī-uraīdī ku-lie-tu-ni* '[боги преступника] в землю (преисподнюю) забросят-они-его' (Над. № 19, стк. 41; № 20, обор. стк. 31—33; № 281, стк. 46—47). При наличии двух личных показателей — субъекта (*-tu* 'они') и объекта (*-ni* 'его') предшествующий суффикс *-le* (*-lie*) не может быть отнесен к числу личных окончаний. Не оказываясь таковым, этот суффикс, выступающий во всех пермансивных формах глагола, устанавливается в значении показателя пермансива, ср. аналогичные построения пермансива: *aluše... šiu-lie* 'кто ...унесет' (Над. № 127, VIII, стк. 11—12) и его же с суффиксом объекта во множ. ч.: *aluše raḥani-li ištīnini šiu-li-ali* 'кто быков оттуда уведет-их' (Над. № 63, стк. 6—7).

Таким образом пермансив в урартском языке образуется в переходных глаголах прибавлением к глагольной основе особого показателя *-le* (графически *-lie, -li*). В 3-м лице единственного числа пермансив не получает личных окончаний, в 3-м же лице множественного числа может получать соответствующие показатели субъекта (*-tu*) и объекта (*-ni, -li*). Впрочем, такое его построение, осложненное дополнительными суффиксами, не обязательно. В большинстве текстов та же формула проклятия заканчивается другим глаголом (*ulu-le*), стоящим без показателя субъекта во множественном числе, но с тем же значением карательного действия, обращаемого богами на разрушителя воздвигнутого памятника. Пермансив от непереходных глаголов установить по наличным текстам не удается.

НАКЛОНЕНИЯ И ОСОБЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Поскольку два описанных грамматических времени, выступающие в урартском языке (пермансив и аорист), уже содержат в себе видовые отличия аспектов (длительность действия и завершенность его), развитие грамматических видов в этом языке проследить не представляется возможным. Их значения полностью передаются названными двумя временами с ярко выраженным содержанием аспектов. Что же касается модальных оттенков, то они в той или иной степени всё же прослеживаются, причем устанавливаются как контекстом, так и грамматическими формами. Наличие последних выделяет наклонения.

Пермансив, по смыслу контекста, может иметь значение желательного, понудительного наклонения, но специальной грамматической формы наклонения пермансив в данном случае не получает ни морфологически, ни синтаксически. Придаваемое ему особое содержание модальности не отмечается ни специальными суффиксами, ни местом в предложении, ср. пермансив без особо придаваемого ему оттенка: *aluše ini DUB.TE tu-le* 'кто эту надпись сломает' (Над. № 30, стк. 15—16); пермансив с оттенком понуждения: *(turinini) ḫaldiše ḫADAD-še ḫSAMAŠ-še ILU^{mes}-še... ulu-le* [да уничтожат] Халд, Адад, Шамаш, боги... пусть низвергнут' (Corpus, 34, 35, 36, 38, 47 и др.); *meini ḫaldiše ḫADAD ḫSAMAŠ ku-li-tu-ni* 'боги Халд, Адад, Шамаш пусть не оставят-они-его' (Corpus, 13 обор., стк. 30—31).

Повелительное наклонение глагола выступает в той же формуле проклятия, как и приведенные выше слова, стоящие в пермансиве и получившие значение понуждения. Повелительное наклонение выделяется своими грамматическими формами. Их удалось установить анализом одного фразеологического оборота, получившего ассирийский перевод в Келишинской билингве. Биайнский текст представлен следующими словами: *aluše ainiei inili dylie tiulie ulie turi* 'кто кого-либо принудит эти [деяния] совершить [и] скажет: иди, разрушь!' (Corpus, 12, стк. 38—40).¹

Слова *uli(e) turi*, значение которых выясняется билингвой, встречаются и в других контекстах, причем одно из них в том же

¹ Перевод И. Фридриха (Caucasica, VIII, стр. 143—145).

грамматическом оформлении *uli(e)* совпадает с написанием местоимения, что и затруднило его понимание как глагола, стоящего в повелительном наклонении. Форма *turi*, равным образом, оставалась бы непонятною без привлечения соответствующих параллельных форм.

Тот же приведенный выше текст имеет несколько вариантов, взаимно поясняющих друг друга в их словарном составе и используемых грамматических формах, ср. без глагола в повелительном наклонении: *aluše ainiei inili duli aluše tiuli ieše ini pile agubi* 'кто кого-нибудь эти [деяния] заставит совершить, кто скажет: я этот кагал провел' (Corpus, 34, стк. 8—10); с глаголом в повелительном наклонении: *aluše ainiei inili dulia tiulie turi ališe ulieše tiulie ieše zadubi* 'кто кого-либо принудит эти [деяния] совершить [и] скажет: разрушь!, кто другой скажет: я сделал...'. (Corpus, 13 обор., стк. 27—30); *aluše uli inili dulia tiulie uli turi turinini...* 'кто [кого-либо] другого эти [деяния] заставит совершить [и] скажет: иди, разрушь!, да уничтожат...'. (Над. № 169, стк. 22—24).

Вторыми словами в каждом из приведенных примеров стоят соответственно *ainiei* и *uli*: *aluše ainiei inili dulia aluše uli inili dulia*. Оба эти слова, очевидно, синонимы в значении 'другому, иному, кому-либо'. Последнее из них (*uli*) встречается дальше в эргативном падеже: *alu-še uli-še tiulie* 'кто другой скажет'. Такого же написания слово стоит в третьем примере после глагола *tiulie* 'скажет': *tiulie uli turi*. Значение этих трех слов и их грамматическое оформление поддаются объяснению.

Слово *tiulie* (*tiule*) в своем значении 'говорит, скажет' устанавливается текстом Келишинской билингвы, где, судя по наличной грамматической форме, этот глагол стоит на стк. 39 в пермансиве: *tiule*; в начале же заклинания, там, где в других надписях ставится *ale* 'говорит', в билингве помещена аористная форма того же глагола *tiaitu*, ср.: *tiaitu aluše niribe*^d *Ḫaldinani BĀBU ḫaule* '[Ишпуин и Менуа] сказали: кто скот (*niribe*) ворот бога *Ḫalda* захватит' (Келишин, стк. 28—29); *ale aluše raḫani ištini šiuḫi* '[Менуа] говорит: кто быков оттуда уведет' (Corpus, 53, стк. 6—7).

Следующие два слова *uli turi* имеют в той же билингве ассирийское соответствие *a-lik ḫi-pi* 'иди сломай'. Отсюда делается вывод, что *uli* и *turi* в данном предложении выступают глаголами в повелительном наклонении.² Из них *turi* образовано от той же основы, что и неоднократно встречающийся в текстах заклинаний глагол *tulie*, ср.: *aluše ini DUB.TE tulie aluše pitulie* 'кто эту надпись

² См.: J. Friedrich, *Caucasica*, VIII, стр. 143; С. F. Lehmann-Haupt, *Corpus...*, стр. 159. См. также: А. Goetze, *PNA*, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 195—197; Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, стр. 72—74.

сломает, кто (ее) повредит'. Здесь глагол *tulie* поставлен в пермансиве с его окончанием *-le* (*-lie*, *-li*). Возможно, что у глагола *tu-lie* произошло в пермансиве выпадение согласного основы (*tur-*), ср. приведенные выше *te-lie* (из *ter-lie*), *a-lie* (из *ar-lie*). В этом случае в форме повелительного наклонения могла выступать полная основа глагола *tur-*, окончанием же повелительного наклонения 2-го лица остается в этом переходном глаголе одно *-i* (*tur-i* 'разбей, разрушь, уничтожь').

Второе слово (*uli*), в его глагольном значении 'иди!', графически совпадает с рядом стоящим *uli* со значением 'другой, иной, кто-либо', ср.: *aluše uli inili dulie tiulie uli turi* 'кто другого эти [деяния] заставить совершить [и] скажет: иди, сломай!' (Над. № 169, стк. 22—24). Оба наличные в этом тексте *uli*, стоящие в одной и той же фразе, но в двух различных значениях, возводятся к двум разным основам. Одно из них образовано от местоименной основы *uli* 'другой', в эргативном падеже *uli-še*, ср.: *alu-še uli-še tiuli* 'кто другой скажет' (Corpus, 34, стк. 9 и др.). Во втором *uli* усматривается непереходный глагол от основы *ula-* 'идти', часто встречающейся в урартских текстах, ср.: ^m*Sarduriše ale ula-di MÂTU Etiu-niedi* 'Сардур говорит: пришел-я в страну Этиуни' (Сард. лет. F, стк. 4). От этой основы (*ul-a*), с ее показателем непереходности действия (*-a*), образовано 2-е лицо повелительного наклонения заменой гласного исхода *-a* гласным *-i*. Глагольная форма *ul-i* может быть возведена к полной основе непереходного глагола *ula-*, в которой добавление гласного *-i* могло образовать дифтонг *-ai*, графически передаваемый также и одним гласным, ср. различные написания глаголов с указанными вариантами графического изображения названного дифтонга: *ušt-a-bi* ^m*Menuani*... *ulušt-ai-bi* ^d*Haldini*... (^m*Utupuršini ŠARRU* ^m*Diaueḫi*) *sulušt-i-bi* 'выступил Менуа, предшествовал бог Халд... [Утупурши царь Диауехи] палниц' (Corpus, стк. 5—6, 14). Таким образом выясняется наличие в урартском языке 2-го лица повелительного наклонения непереходного глагола с тем же гласным *-i* в исходе, что дает общую форму повелительного наклонения 2-го лица для переходных и непереходных глаголов: *ul-i* 'иди', *tur-i* 'уничтожь'.³

Менее ясны встречающиеся в надписях глагольные формы на *-diani* и на *-de*. В этих формах восстанавливается поставленный в заключительной части заклинания Келишинской билингвы глагол, в котором читаются лишь его начальные знаки: *ku-lu-di-i*. Исследователи восстанавливают недостающие знаки добавлением *-a-ni* (А. Гётце, Г. А. Меликишвили) или *-i-e*, *-e* (К. Ф. Леманн-Гаупт, И. Фридрих, М. Церетели). Таким образом намечаются два варианта чтения этого глагола: *kulu-diani* и *kulu-die* (*kulu-de*).

³ См.: Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 72—74.

В обоих предлагаемых чтениях имеется в виду финитная форма глагола, выражающая повеление 'забрось!' (стк. 36). Восстановление в Келишинской билингве окончания глагола *-diani-* подтверждается ясным написанием этого суффикса при том же глаголе в другой надписи (№ 169), где на стк. 4 стоит: *mei ini Ê.GAL ku-ul-di-a-ni* (*ku-diani*). Поставленное в начале слово *mei* точному переводу не поддается; по-видимому, оно выражает отрицание. Общее содержание приведенного текста имеет в виду действие, совершение которого воспрещается повествователем: 'пусть эту цитадель не забросит'; ср. там же: *aluše ini Ê.GAL kulie* 'кто эту цитадель забросит', где тот же глагол с основой *ku-* стоит в пермансиве *ku(l)-lie*, выступая с оттенком условности 'если кто...' (стк. 15). Таким же пермансивом, но с оттенком повеления, заканчивается в том же тексте все заклинание *ulu-li* 'пусть уведет' (стк. 28); ср. текст Келишинской билингвы с его восстанавливаемыми урартскими грамматическими построениями: ...^a *Haldisē zilbe qirgaedi kulu-diani*. После неясного чтения одного или двух слов следует обращение к карающему божеству 'бог Халд потомство-(его) на земле пусть не оставит' (стк. 35—36), ср. ту же грамматическую форму в надписи № 169 (стк. 4). В заключительной строке той же билингвы восстанавливается форма пермансива с тем же его оттенком повелительного пожелания: *zilbi qirgaedi ku-li-tu-ni*⁴ '[сонм богов] потомство-(его) в землю да забросят-они-его' (стк. 41). Текст восстанавливается по аналогии с Звартноцкой надписью (№ 281), где стоят те же слова в том же их трафаретном сочетании: *zilbi qirgaedi ku-lie-tu-ni* (стк. 46—47).

В Келишинской билингве глагол *kulu-diani* стоит перед заклинательным текстом и включается в предложение с действующим лицом в единственном числе: ^a *Haldisē zilbe qirgaedi kulu-diani* (стк. 35—36). Отсюда можно заключить, что глагол поставлен в 3-м лице единственного числа, так же как и в Над. 169, где он имеет ту же грамматическую форму и стоит вне заклинательной формулы (стк. 4). В самом заклинании тот же глагол выступает с тем же сочетанием слов: *zilbi qirgaedi kulituni* (стк. 41), но подлежащим при нем оказывается весь сонм богов, в связи с чем изменяется и оформление глагола. Тот же глагол получает грамматическую форму *kulituni*, наличную также в Звартноцкой надписи (№ 281, стк. 47) и в билингве царя Русы (№ 264, стк. 38), где глагол в такой его форме предшествует перечню карающих богов, с чем связана его постановка в 3-м лице множественного числа субъекта (*-tu*) и в том же лице объекта единственного числа (*-ni*), которым отмечается лицо, подлежащее каре (*aluše* 'кто'). Изменение грамма-

⁴ К. Ф. Лемани-Гаунт и М. Церетели восстанавливают и тут грамматическую форму *ku-lu-di-c*.

тической формы глагола связано с помещением его в самом тексте заклинания, которое предусматривает наказания, предстоящие в будущем. В большинстве остальных надписей в том же примерно значении использованы другие слова: *aiie ululie*. Первое из них получает условный перевод 'где, куда-нибудь'.⁵ Вторым выступает переходный глагол в форме пермансива *ulu-lie* ('куда-нибудь') уведет' (Над. № 30, стк. 24 и др.). Можно полагать, что с тем же назначением при сходном содержании фразы выступает также и *ku-li-tu-ni*. Оба глагола — *ulu-lie* 'уведут' и *ku-lie-tu-ni* 'забросят-они-его' стоят в пермансиве, употребленный же в Келишинской билингве глагол *kulu-diani* показателя пермансива (-*lie*, -*li*) не содержит. Отсюда можно прийти к заключению, что построение глагола *kulu-diani*, передающего понуждение и не стоящего в пермансиве, представляет собою форму повелительного наклонения 3-го лица единственного числа.⁶

К числу неясных грамматических формантов относится суффикс -*de*, встречаемый дважды в летописях Сардура в аналогичных построениях сочетаемых слов: (*ŠARRU ĀLU Puinialhi*)¹*bura aštubi mešini pii 'aaldubi meše* ^m*Sardurie ariede* (A, стк. 17—18; F, стк. 20—21). Выступающее в этом тексте слово *ariede*, с отстранением суффикса -*ede* (-*de*), обнажает основу *ari-*, наличную в часто встречающемся глаголе *aru-ni* 'дал-он', основа которого заканчивается показателем переходности действия *ar-u*. Отпадение конечного гласного -*u* и замена его гласным -*i* приводит исследователей к отрицанию наличия в *aride* финитной вербальной формы. И. Фридрих относит выступающую здесь форму на -*ede* (-*de*) к инфинитиву⁷ и предлагает словам *meše* ^m*Sardurie ariede* соответствующий перевод: 'чтобы давать дань Сардура'. Г. А. Меликишвили считает возможным видеть в формах на -*idi*, -*ide*, -*ede* падежное оформление отглагольного имени (масдар). Он полагает, что слово *ari-ede* можно признать стоящим в направительном падеже на -*di*. Прибавление этого падежного окончания к имени действия дает наличную форму *ari-ede*, -*de*. Само отглагольное имя образовано, как указывает Г. А. Меликишвили, присоединением гласного -*i* к основе переходного глагола *aru-*, лишенной показателя переходности -*u*.⁸ При таком толковании данной грамматической формы получается приемлемый перевод приведенной выше цитаты: 'царя города Пуиниалхи в раба превратил-я, под данью (обложив его данью) пощадил-я для поднесения дани Сардура'.

⁵ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 77, 153.

⁶ Выступающий здесь суффикс -*diani* остается неясным в своем построении. Возможно, что конечный слог -*pi* выступает в качестве суффикса объекта.

⁷ J. Friedrich. Einführung ins Urartäische, стр. 8.

⁸ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 75—76.

Признание в суффиксе *-de* 3-го лица повелительного наклонения привело бы, равным образом, к приемлемому переводу 'дань Сардура пусть даст', но наличие такого построения глагола только в двух местах Сардуровых летописей не представляет для этого достаточных оснований. Кроме того, при *Verbum finitum* в 3-м лице переходного глагола ожидается постройка подлежащего в эргативном падеже, чего нет в данном предложении, в котором речь ведется в 1-м лице и подлежащее в 3-м лице субъекта отсутствует. Отсюда можно прийти к выводу, что *agi-ede* не является глагольной формой, ср. в Келишинской билингве, где суффикс *-diani* оформляет переходный глагол при подлежащем на *-še*: ^dHaldi-še zilbe qiura-edi kulu-diani.⁹

В последнее время ряд исследователей высказался за выделение формы 3-го лица повелительного наклонения на *-inini* (*-nini*). Одним из примеров такой формы приводится наличное в заклинательном тексте слово *turinini*. Еще Н. Я. Марр видел в нем форму повелительного наклонения множественного числа от родственной с картвельскими языками основы *turini-* 'гневаться, проклинать'. А. Гётце и Г. А. Меликишвили, усматривая в *turinini* также глагольную форму повелительного наклонения, выделяют окончание *-inini* и относят его к 3-му лицу единственного числа, при 2-м лице *tur-i*, в котором окончанием лица считается одно *-i*.¹⁰ Вербальное значение *turinini* и возведение его к основе *tur-* сомнения не возбуждает. Этот глагол с такой его грамматической формой встречается в ряде надписей. В одной из них (№ 167) *turinini* поставлено перед перечнем богов, после которого стоят два слова: ^dŠAMAS-ni rini 'под солнцем', чем и заканчивается все предложение. В нем, при наличии подлежащего на *-še*, которым оформлены все имена богов, требуется присутствие переходного глагола. Таковым, среди остальных слов, может быть только *turinini*, ср. полный текст: ^mSarduriše alie aluše ḥaulie turinini ^dHaldiše ^dADAD-še ^dŠAMAS-še ILU^{mes}-še ^dSAMAS-ni rini 'Сардур говорит: кто похитит, да уничтожат- (его) боги Халд, Тейшеба, Шивини, боги многие под солнцем' (стк. 9—11), ср. аналогичный текст, начинающийся со слова *turinini*, в котором после перечня тех же богов стоит местоимение *mani*, выступающее в позиции прямого дополнения со значением 'его': *turinini... mani* ^dŠAMAS-ni rini 'да уничтожат-его [боги] под солнцем' (Над. № 36, стк. 33—34). Лицо, подлежащее каре, выделяется здесь постановкой местоимения, но указание на это лицо содержится и в са-

⁹ См. выше, стр. 39.

¹⁰ Н. Я. Марр. Надпись Русы II из Маку. ЗВРАО, XXV, 1921, стр. 16—17; Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 44; Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 72—73; А. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 22 23, стр. 195—197.

мой глагольной форме, снабженной объектным суффиксом *-ni*: *tur-ini-ni* 'да уничтожат-его'. Суффиксом повелительного наклонения 3-го лица остается *-ini*. Такое же окончание повелительного наклонения 3-го лица образуется от глагола *manu* 'быть'. Форма повелительного наклонения получается от него, так же как и от глагола *turu* 'уничтожать'. Исходный гласный основы *-u* (показатель переходности действия) отпадает с присоединением окончания повелительного наклонения *-ini* (*man-ini*): *man-ini* ^дНутуинини *bidini* 'да будет со стороны бога Хутуини' (Над. № 94, стк. 4). В последнем примере суффикс *-ini* передает 3-е лицо единственного числа. В том же числе выступает глагол *turinini* в надписи № 89: *turinini* ^дХалдише *mani* 'да изничтожит бог Халд его' (стк. 18—19). Тем самым устанавливается, что суффикс *-ini* используется в единственном числе 3-го лица повелительного наклонения.

Его показателями выступают *-i* во 2-м лице единственного числа и *-ini* в 3-м лице того же числа. Отмечается также близкая к *tur-inini* форма *turu-tinieni*. В ее суффиксе усматривается прибавление показателя множественного числа *-t*, наличие которого устраняет стечение гласных и тем самым восстанавливает полную основу переходного глагола *turu*. Написание первого слогового знака дефектно, но по остальным знакам и здесь выступает форма повелительного наклонения, что вполне соответствует контексту: *(tu)rutinieni mani e'a zilibi qirani edini* 'да уничтожат его, так же потомство на земле' (Над. № 99, обор., стк. 10—11). Глагол стоит после перечня богов и грамматически связан с ними, чем и объясняется постановка его во множественном числе в отличие от *turinini*, помещаемом перед именами богов и начинающим текст без согласования с ними. Что касается упомянутого выше суффикса *-diani*, то А. Гётце видит в нем запретительную форму повелительного наклонения, сочетаемую с частицей *mei*: *mei ini E.GAL kul-diani mei šeruiar-diani* 'эту крепость пусть не забросит, пусть не испортит' (Над. № 169, стк. 4—5).¹¹

Некоторые другие глагольные формы продолжают оставаться неясными и даваемые им объяснения нуждаются в подтверждении. Так, некоторые исследователи (И. Фридрих, А. Гётце, М. Церетели, Г. А. Меликишвили)¹² выделяют медио-пассивные формы на *-uri*. Основанием к этому послужило сопоставление глаголов, носителей этих форм, с их иными грамматическими построениями в различных контекстах. К сравнению можно привлечь следующие: *E.GAL* ^м*Argištehinili šid-u-bi* 'цитадель Аргиштиеву я зало-

¹¹ А. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 188—192.

¹² J. Friedrich; WZKM, XLVII, 1940, стр. 194—198; А. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 24, стр. 266—269; Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 71—72.

жил (построил)' (Corpus, 111); *ui giei ištini šid-a-uri* 'ничего не было там заложено (построено)' (Corpus, 69, стк. 2);¹³ *Menuaše ini pile ag-u-ni* 'Менуа этот канал провел' (Corpus, 34 и др.); *ui PA ištini ag-a-uri* 'канал там не был проведен' (Corpus, 148, стк. 30); *ini kubuše^m Argištiše ušt-u-ni* 'этот шлем Аргишти направил (подарил)' (Над. № 148); *ui aini ŠARRU ištini ušt-uri* 'никакой царь туда не направлялся' (Сард. лет. E, стк. 42—43); *qiuṛani quldini manu ui gii ištini šid-a-uri* 'почва бесплодная имеясь (быв), ничего там не было построено' (Над. № 137, стк. 6—7); *qiuṛani šulie manu ui giei ištini man-uri* 'почва необработанная имеясь, ничего там не было' (Над. № 281, стк. 7—8).

Предполагается, что пассивное содержание, придаваемое этим грамматическим формам переходного глагола, ведет к их сближению с непереходными глаголами (медио-пассив), в связи с чем показатель переходности действия (*u-*) или заменяется показателем непереходности (*-a*), ср.: *ag-u-ni* 'провел-он' и *ag-a-uri* 'проведен-он', или же отпадает, ср.: *ušt-u-ni* 'направил-он' и *ušt-uri* 'направился-он'.

Ряд слов, оканчивающихся также на *-uri*, не может быть отнесен к числу глаголов, например *šukuri*, по контексту условно восстанавливаемое в своем значении 'вероломный'; III^l *VEL. PAHĀTI^{meš} šukuri manuli III. . . uštipte zadubi* 'три наместника вероломными (?) бывшие, в три [места] поход провел-я' (Сард. лет. D, стк. 19—21). Но такие слова, как упомянутые выше *šidauri*, *agauri*, *ušturi*, имеют другие производные от глагольных основ финитные формы: *šid-u-bi*, *ag-u-ni*, *ušt-u-ni*, и потому отнесение и их к числу финитных глагольных форм представляется вполне возможным. Имеются еще иные, судя по контексту также глагольные формы с тем же окончанием *-uri*, но не прослеживаемые в других глагольных построениях, например, *ai-uri* в надписи из Каракала: *ini pile aguni qirani širabae manu ui ainii ištini aiuri^d Haldinini baušini^m Argištiše aguni* '[Аргишти] этот канал провел. Земля бесплодная быв, ничто там не произрастало (*aiuri?*). По Халдову слову (велению) Аргишти [канал] провел' (Над. № 136, стк. 3—7). В этой надписи, так же как и в ряде тут же приведенных, спорным продолжает оставаться значение глагола *manu-*.

К числу инфинитных форм относятся глагольные основы, лишённые личных показателей. Такие формы редки и значение их не вполне ясно. К их числу принадлежит чаще других встречающееся *manu-*, снабжаемое также дополнительными суффиксами: *manu*, *manu-li*, *manu-ri*, *manu-ni*, *manu-še*. Первое из них (*manu*) выступает лично неоформленным, второе же (*manu-li*) имеет показатель во множественном числе. Третья форма (*manu-ri*) своим

¹³ Слову *ui* рядом исследователей придается значение частицы отрицания (А. Гётце, И. Фридрих, Г. А. Меликишвили).

построением соответствует приведенным выше медио-пассивным глаголам. Четвертая форма (*manu-ni*) подходит к обычному построению переходного глагола с объектом в единственном числе, ср. *agu-ni* 'провел-он-его'.

Ясная по своему построению форма глагола с объектным суффиксом в единственном числе (*manu-ni*) встречается в формуле заклятия, где передается законченное действие, предусматриваемое в будущем: *me kui tini manuni ^aŠAMAŠ-ni kai* 'даже имя-(его) не будет под солнцем' (Над. № 280, стк. 12). Та же форма выступает в нескольких надписях с дефектным написанием. Она же стоит в неясной и не поддающейся переводу строке Армавирской надписи: *mei ešimeši elmuše manuni* (Над. 143, стк. 2) и повторяется в том же контексте в надписи № 169 (стк. 13). Последняя из упомянутых выше форм (*manuše*), по-видимому, исключается из числа глагольных. Она встречается в сакральной надписи Мхер-Капуси (№ 27) и поставлена перед перечнем жертв, где находится и другое слово с тем же конечным *še*. Им оформлено существительное *ardiše* 'повеление'. Можно полагать, что *manuše* относится к той же части речи, ср.: *teruni (teirtu) ardiše. . . manuše* (стк. 2, 34). Во всей фразе глаголом выступает только *teruni (teirtu)*, при котором *ardiše* и *manuše* могут быть лишь существительными.

К числу уже отмеченных явно глагольных форм относится также образованное от той же основы *manu-* повелительное наклонение 3-го лица *man-ini* 'да будет', в котором прибавление суффикса этого наклонения *-ini* привело к отпадению гласного *-u*.¹⁴ Наличные формы глагола *manu-*, при его основном значении 'быть, существовать, находиться', отвечают правилам построения урартского переходного глагола, что препятствует отнесению его к числу вспомогательных (копула); все же некоторые грамматические формы, в частности лишенные личного окончания, обращают на себя особое внимание. Встречающееся в Сардуровой летописи слово *manidu* (С, стк. 28) объяснению не поддается и оставляется потому без рассмотрения.

Из всех указанных форм, образованных от основы *manu-*, можно остановиться на трех: *manu*, *manuli*, *manuri*. Из них последняя уже затрагивалась выше при рассмотрении глагольных форм на *-ri*. В ней можно видеть медио-пассивный глагол: *ui giei, ištini manuri* 'ничего там не было'. Значение первых двух форм — *manu* и *manuli* — остается не вполне ясным, так как они с их столь различным грамматическим оформлением выступают в предложениях аналогичного содержания: XXII Ê.GAL^{mes} *agununi manu gunuša ħaubi* (Сард. лет. F, стк. 17—18); ÂLU Darbani Ê.GAL

¹⁴ См. выше, стр. 42.

agununi manu gunuša ĥaubi (там же, В, стк. 20—22); III Ê.GAL^{meš} agununili manuli gunuša ĥaubi (там же, А, стк. 7).

Конец во всех трех примерах остается без изменения: gunuša ĥaubi 'в бою захватил-я'. Предмет завоевания, равным образом, один и тот же: Ê.GAL 'крепость, цитадель'. В двух приведенных примерах он стоит во множественном числе, в одном поставлен в единственном. С ними связаны слова, осложненные аффиксами и без них: agununi(li) manu(li), причем manuli в этой его форме, согласованной с agununili, ставится только, если имеется ввиду несколько крепостей, тогда как manu может стоять и при нескольких и при одной крепости и согласуется везде с agununi в единственном числе. Такое выдержанное согласование agununili во множественном с manuli в том же числе, а agununi в единственном с manu без какой-либо суффиксации наводит на мысль о наличии отглагольной формы manu(li) в обоих случаях. Эта форма противопоставляется финитной, наличной в том же контексте. Если выделить последнюю на отдельное место в самостоятельном предложении: gunuša ĥaubi 'в бою захватил-я', то сказуемым в приведенных выше предложениях окажутся manuli и manu с безличной формой последнего. Этому не соответствует текст другого предложения, в котором тот же глагол ĥaubi непосредственно связан с таким же объектом (крепости), что ясно следует из фразы, где добавочные слова (agununili manuli) пропущены, ср.: XI Ê.GAL^{meš} ĥaubi 'одиннадцать крепостей захватил-я' (Сард. лет. А, стк. 22).

В таком построении предложения число крепостей не отражается на оформлении глагола, остающегося с объектным показателем в единственном числе ĥau-bi 'захватил-я-его', ср. XXII Ê.GAL^{meš} agununi manu gunuša ĥaubi Ê.GAL^{meš} ĥarĥaršubi, где и другой глагол (ĥarĥaršu-bi) стоит с тем же показателем объекта в единственном числе (-bi), несмотря на множественное число предмета, на который направляется совершаемое действие: '[крепости] разрушил-я-его' (там же, F, стк. 17—18). Равным образом и выступающее здесь словосочетание agununi manu не передает числа захваченных крепостей, сохраняя, как и глагол ĥaubi, свое самостоятельное оформление. Таким образом лишь такое сочетание слов, как agununili manuli, отражает действительное число объекта. Первому из этих слов можно, следуя за другими интерпретаторами текстов, присвоить значение 'укрепленный'. Во всех приведенных примерах остаются менее ясными только слова manu, manuli с их разными грамматическими формами.

Глаголу manu-придается различное значение. И. Фридрих видит в нем глагол 'быть, существовать, находиться налицо', но не считает возможным причислять manu-к простой копуле.¹⁵

¹⁵ J. Friedrich, *Caucasica*, VII, стр. 83—86.

А. Гётце и Г. А. Меликишвили склоняются к переводу 'пребывать, оставаться, существовать, быть'.¹⁶ М. Церетели выделяет переходный глагол 'брать, иметь, захватывать'.¹⁷ Последнее значение представляется мне менее приемлемым, так как в тапу- трудно усмотреть обычный переходный глагол, который в урартском языке не выступает без дополнительной суффиксации. Но если в тапу- не следует усматривать основы простого вспомогательного глагола (копула), то, судя по его огласовке (-u), его нельзя относить также и к непереходным глаголам, тем более, что тапу-*li* в этой его грамматической форме (тапу-*li*) может полностью соответствовать построению переходного глагола, поставленного в 1-м действующем лице при множественном числе объекта, ср.: *šidištu-li* 'построил-я-их'. Следовательно, в тапу-*li* можно усмотреть финитную глагольную форму, если признать в суффиксе -*li* личное глагольное окончание, а не видеть в нем показатель множественного числа, используемый в именах и отглагольных формах причастия. Само грамматическое построение тапу-*li* вызывает сомнение в возможности отнесения его к числу глагольных. Суффикс -*li*, в отличие от -*ali*, передает действие 1-го лица на 3-е, что не соответствует такому предложению как: III ВЕЛ.РАНАТИ^{mes} *šukuri* тапу-*li* (Сар. лет. D, стк. 19—20). Ряд суффиксов, в том числе -*li*, используется как в глаголах, так и в именах. Выступая в последних, он может присоединяться также к отглагольным формам, что дает приведенному предложению вполне приемлемый перевод: три правителя областей, бывшие вероломными. В позиции причастия тапу может стоять как в единственном, так и во множественном числах. Получая суффикс последнего, тапу-*li* образует ту же грамматическую форму, которую имеет переходный глагол, обозначающий действие 1-го лица единственного числа на 3-е лицо множественного (я-их). Глагол тапу- с тем его содержанием, какое за ним закрепляется, не может передавать субъектно-объектных отношений. Этот глагол, при его переходной основе на -u, передает односторонние отношения и причисляется тем самым к неправильным глаголам.¹⁸ Выражая односторонние отношения, он получает приведенную выше финитную форму тапу-*ni*. Такую же финитную форму можно видеть и в тапу-*li*, если глагол выступает в роли сказуемого.¹⁹ Но такую его роль трудно усмотреть в *agununi* тапу-*li*.

Для уточнения синтаксической структуры затронутого выше словосочетания можно обратиться к более сложному построению

¹⁶ А. Goetze, ZA NF, V, стр. 120—126. — Г. А. Меликишвили выделяет последние два значения, см.: Урартские клинообразные надписи, стр. 76.

¹⁷ М. Tseretheli, Die neuen haldischen Inschriften. . . , стр. 32.

¹⁸ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 76.

¹⁹ Примеры см. выше.

аналогичного предложения в первом столбце летописей Сардура: ^mSarduriše alie ḥaubi III Ê.GAL^{meš} agununili manuli gunuša ḥaubi (стк. 6—7). После вступительных слов царя (Сардур говорит) излагаются результаты его победоносных действий. Повествование разбивается глаголом ḥaubi на две части. Первая из них начинается этим глаголом, вторая оканчивается им. Сказуемым в обеих частях выступает глагол ḥaubi, стоящий в финитной форме, передающей действие 1-го лица на объект в единственном числе (я-его) независимо от числа предметов, на которые направлено действие, выражаемое глаголом. Такое его оформление не противоречит структуре урартского предложения, в котором сказуемое, связанное с прямым дополнением, может согласоваться с ним в числе, ср.: ini susi šidištu-ni ^dḤaldini-li BĀBU-li šidištu-ali 'это святылище воздвиг-он-его, Халдовы ворота воздвиг-он-их' (Над. № 73, стк. 3—4, 8—9), но может выступать и без такого согласования, ср.: Ê.GAL^{meš} ḥarḥaršu-bi 'крепости разрушил-я-его', где показатель объекта -bi поставлен в единственном числе (Аргишти, I, стк. 7). Этим построениям предложений соответствует конструкция анализируемого текста Сардуровой летописи.

В заключительную часть приведенного выше текста этих летописей входит косвенное дополнение, присоединяемое к сказуемому, поставленному в 1-м действующем лице при единственном числе объекта: gunuša ḥau-bi 'в бою захватил-я-его'. Тот же глагол в такой же грамматической форме включается в первую часть того же текста: ḥaubi III Ê.GAL^{meš} agununili manuli. Глагол ḥaubi начинает все предложение и стоит в том же единственном числе объекта, объединяя им последующее сочетание слов. Центром всего грамматического построения остается сказуемое ḥaubi. К нему присоединяются остальные члены предложения. Среди них на первое место выделяется прямое дополнение (крепости). Определением при них выступают прилагательное и причастие agununili manuli 'укрепленными бывшие'. При таком объяснении данной конструкции предложения можно видеть в manu и manuli безличные формы отглагольной части речи: 'Сардур говорит: захватил-я три крепости, бывшие укрепленными, в бою захватил-я'. В других текстах такое же словосочетание ставится в единственном числе agununi manu, причем manu, согласованное в числе с agununi, утрачивает всякую аффиксацию лица и числа, обнажая отглагольную форму, сближаемую с деепричастием.

К числу аналогичных грамматических категорий относятся причастия, рассматриваемые в урартском языке как близкие к прилагательным по своему образованию. В Келишинской билингве содержатся две формы, сближаемые с причастиями: terainili, ḥaini. Суффикс -li в первом из этих слов выступает в его обычном значении показателя множественного числа и потому к обра-

зованию причастия, в данном случае, непосредственного отношения не имеет. Причастными основами остаются *teraini* и *ḥaini*. Оба названные слова сводятся к глагольным основам *teru-* 'устанавливать' и *ḥau-* 'захватывать', наличным в той же билингве (стк. 6, 24). При сопоставлении исследуемых построений слов *teraini* и *ḥaini* с их параллельными образованиями *teru-ni*, *ḥau-ni* обнаруживается утрата глагольной основой показателя переходности действия -и, обнажающая корни *ter-* и *ḥa-*. К этим глагольным корням при образовании причастия присоединяются в одном случае суффикс -aini с начальным дифтонгом (*ter-aini*), в другом — тот же суффикс в его усеченном написании -ini (*ḥa-ini*).

Этот суффикс -aini, -ini, -ni можно в свою очередь сопоставить с показателями принадлежности 3-му лицу (-ini, -ni), используемыми для образования прилагательных от имен существительных, в частности, от имен собственных, ср.: ^a*Ḥaldinili BĀBU-li* 'Халдовы ворота'. К имени бога *Ḥaldi* здесь добавляется суффикс -ini, -ni и затем показатель множественного числа -li (*Ḥaldi-ni-li*, *Ḥaldi-ini-li*, см. *Corpus*, 66, 67), ср. также ^m*Menua-ini* с окончанием родительного падежа: ^m*Menua-ini-ei SAL-silaie* 'Менуевой жены' (*Corpus*, 57, стк. 1, 4); *ĀLU* ^a*Teišeba-ini ĀLU* 'город Тейшебов-град' (*Кар.-Бл.* II, стр. 63) и др.; то же в именах, образованных, например, от основы *alsui-*: имя существительное *alsui-še* 'величие', имя прилагательное *alsui-ni* 'великий'. Тем же способом образованы *terainili* от глагольной основы *tar(u)-* и *ḥaini* от такой же основы *ḥa(u)-*.

Возможность видеть такого же рода причастные образования от указанных глагольных основ подтверждается контекстом Келишинской билингвы: ...^a*Aldina BĀBU terainili... ḥaini ḥaini* 'предметы (имеются в виду статуи), у Халдовых ворот установленные, ... захваченное (украденное) взял-он' (стк. 22—24). Глагол *ḥau-ni* стоит в 3-м лице аориста, *ḥa-ini* поставлено в причастной форме. Оба они образованы от одной и той же глагольной основы *ḥa(u)-* 'захваченное захватил'. Речь идет об ограблении врагом (ассирийцами) мусасирского святилища. Отмеченные причастные формы нуждаются в исследовании.²⁰

Можно считать, что структура урартского глагола, в ее основных чертах, исследователями уже устанавливается, выявляя крайнюю близость к иберийским языкам Кавказа, в частности к карт-

²⁰ Г. А. Меликишвили находит возможным выделить в урартском языке причастие страдательного залога, образуемого суффиксом -ai, -ae, который прибавляется к основе, лишенной показателей переходных и непереходных глаголов, например, *teraie* от основы *teru-* 'ставить', *durbaie* от основы непереходного глагола *durba-* 'восставить', ср.: *durbae manu* 'был-он восставшим'. К причастиям Г. А. Меликишвили относит также формы на -ie, см.: Урартские клинообразные надписи, стр. 75.

вельским в их более отдаленных эпохах развития. Глаголом передается завершенность действия (аорист) и действие в процессе его совершения (пермансив). Видовые различия, в связи с этим, еще не прослеживаются. Построение глагола полностью соответствует нормам, установленным в эргативном строе предложения. Своими грамматическими формами в парадигмах спряжения переходные глаголы резко противопоставляются непереходным. Они же согласуются с различными падежами подлежащего. Но переходные глаголы, имея прямое дополнение в именительном падеже, не противопоставляются непереходным с их подлежащим в том же падеже, как страдательный залог действительному. В урартском языке, как и в картвельских, „залоговых различий не было: имелись переходные и непереходные глаголы, но переходный глагол тем самым не являлся глаголом действительного залога. Основа переходного глагола в залоговом отношении индифферентна (нейтральна)“.²¹

Различаясь показателями переходного и непереходного действия, урартские глаголы могут в отдельных случаях образовываться в этих двух своих разновидностях от одной и той же основы, ср. *ušt-a* 'направляться' и *ušt-u* 'направлять': *ušt-a-di MĀTU Etiuniedi* 'направился-я в страну Этиуни' (Сард. лет. А, стк. 13); *ini aše^m Argištiše^m Menuaḥiniše^m ĀLU Irpuniedi ušt-u-ni* 'этот щит Аргишти сын Менуи в город Ирпуни направил' (Кар.-Бл. II, стр. 50—51). Переходный глагол *uštu-* 'направлять (посвящать, дарить)' противопоставляется непереходному *ušta-* 'направляться (выступать)', образованному от той же основы и отличающемуся от первого своей огласовкой -а, вместо -у, характеризующего переходность действия; ср. также *ši-a-bi* 'перешел-он', *ši-u-bi* 'перенес-он': *ši-a-bi kauki* 'перешел (пришел)-он ко мне', 'aše^{meš} SAL-lutu^{meš} ištiniⁿi ši-u-bi MĀTU Biainaidi 'мужчин и женщин перенес (перевел)-я оттуда в страну Биайну' (Сард. лет. Е, стк. 53; F, стк. 9—10); *naḥ-a-di* 'пошел-я' и *naḥ-u-bi* 'увел-я': *iu^d Haldiš-me ŠARRU-tuḥi aruni naḥ-a-di...* 'когда бог Халд мне царство даровал, пошел -я...'; *VIMIV CXXXVI arše ištiniⁿi naḥ-u-bi* '6436 юношей оттуда увел -я'. (Сард. лет. Е, стк. 27; G, стк. 2); *ul-a-di* 'пошел -я', *ul-u-le* 'поведет': *ul-a-di MĀTU Etiuniedi* 'пошел-я в страну Этиуни' (Сард. лет. F, стк. 4); *auie ul-u-li (e)* 'куда-нибудь поведут (низвергнут)' (Corpus, 34, 35 и др.).

Сюда же, по-видимому, можно отнести и такие более редко встречающиеся глаголы, как *ašt-a-di* и *ašt-u-bi*, стоящие оба в 1-м лице, один в непереходной форме на -а-di, другой в переходной на -у-bi. Глагол *aštubi* встречается в сложном сочетании слов ¹⁰*bura-aštubi*, что дало И. Фридриху основание считать

²¹ См.: Вопросы языкознания, 1952, № 2, стр. 148.

глагольной основой сочетание обоих слов: *buraštubi*,²² придавая ему значение: 'в раба обратил, поработил -я', но в Нор-Баязетской надписи (№ 265, стк. 3) слово *bura* заменено идеограммой раба IR, фонетическим чтением которой, очевидно, и является само слово *bura*; ср.: *ŠARRU-ni ĀLU Puinialḫi^{lu} bura aštubi* 'царя города Пуиниалхи в раба обратил -я' (Сард. лет. А, стк. 17); *ŠARRU MĀTU Uelikuḫi karubi IR aštubi* 'царя страны Уеликухи покорил, в раба обратил -я' (Над. № 265, стк. 2—3). Замена слова *bura* идеограммой IR выделяет его в данном словосочетании и потому является достаточным поводом для разделения названных двух слов: *bura* (IR) 'раб' и *aštubi* 'обратил -я'. При этом глаголом остается одно только *aštubi*, которое становится также на самостоятельную позицию. Ему противопоставляется непереходная форма *ašt-a-di* с не вполне ясным значением, ср.: *aštadi MĀTU Etiunia*, где имя страны стоит не в направительном падеже на *-di*, а в местном на *-a* (Сард. лет. F, стк. 5).

Нуждаются в дальнейшем подтверждении нижеследующие грамматические формы, выделяемые А. Гётце, И. Фридрихом и Г. А. Меликишвили.²³

-ani, *-ali* — форманты переходного глагола, с заменой показателя переходного действия *-u* на гласный *-a*. Глагольная основа, оканчивающаяся на этот гласный, получает оформление непереходного действия и в то же время сохраняет личные окончания переходного, ср. глагол *ašu-* 'покидать (?)', от которого образуются переходные формы 1-го и 3-го лиц аориста *aš-u-bi*, *aš-u-ni* и от которого, с добавлением к его основе слога *-ul*, получают упомянутые выше формы с непереходной огласовкой основы *aš-ul-a* и с личными окончаниями переходного действия *-bi* (я-его) и *-ni* (он-его): *ašul-a-bi*, *ašul-a-ni*. Г. А. Меликишвили допускает возможность видеть в таком грамматическом оформлении глагола выражение несовершенного вида прошедшего времени: *iu ebanī ašul-a-bi* 'когда страну покидал-я' (Сард. лет. А, стк. 12). С такой же огласовкой выступает в надписи Сурб-Сахак глагол *erid-a-bi*, стоящий в том же 1-м лице, как и два других: *uelid-u-bi*, *ul-a-di*, *erid-a-bi*. Из них *ul-a-di* имеет как огласовку основы (*-a*), так и личное окончание (*-di*), соответствующие непереходному глаголу, тогда как *erid-a-bi* получает при той же огласовке основы (*-a*) личное окончание переходного глагола (*-bi*); ср. *uelid-u-bi* 'собрал -я- его' (Над. № 128, А I, стк. 16—18). Аналогичное изменение выступает в переходном глаголе *ḫarḫarš-u-bi* 'разрушил-я': *iēše*

²² См.: *Caucasica*, VIII, стр. 148—150.

²³ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 70—76; А. Goetze, *RHA*, VI, 1936, fasc. 22—23, стр. 185—198; fasc. 24, стр. 269—282. J. Friedrich. *Einführung ins Urartäische*, стр. 5—8.

ŠADU Vamni ḥarḥarš-a-bi ieše ÂLU Biḥurani ḥa-u-bi 'я гору Бамни опустошал (?), я город Бихурани захватил' (Аргишти, VI, стк. 19—20). В обоих предложениях подлежащее *ieše* сочетается с двумя переходными глаголами, из которых *ḥarḥarš-a-bi*, при наличии подлежащего в эргативном падеже, сохраняет личное окончание переходного спряжения и основу с показателем непереходного действия. Такое необычное оформление основ переходного глагола выступает в редких случаях.

-ulini — объясняется как формант 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения пассивной формы. Приурочение данному суффиксу указанного значения не противоречит контекстам, ср. надпись Ашрут-Дарга, где излагаются правила приношения жертв богу Халду: *teruni ardiše... ḥaldie nipsidulini ALPU ḥaldie urpulini...* 'установил-он правило... богу Халду пусть будет убитым бык, богу Халду пусть будет принесен жертвой...' (Corpus, 16, стк. 3—5). Начальный гласный в суффиксе *-ulini* может быть отнесен к основе глагола как показатель переходности действия (-u). Исходный слог *-ni* (*uli-ni*) может быть понят как объектный суффикс. Предполагаемое окончание *-uali* в значении множественного числа того же суффикса не вполне ясно, ср. *ur-uali* 'пусть будут принесены в жертву' (?). Больше оснований видеть показатель множественного числа того же повелительного наклонения в суффиксе *-i'ali*.

-i'ali, *-iali* — формант множ. ч. 3-го л. повелительного наклонения пассивной формы. В этом значении можно усмотреть данный суффикс в сакральной надписи Мхер-Капуси (Corpus, 18), если ее текст сопоставить с приведенным выше текстом надписи Ашрут-Дарга (Corpus, 16), ср.: *teruni ardiše... ḥaldie nipsidulini ALPU* 'установил-он правило... богу Халду пусть будет убитым бык' (Corpus, 16, стк. 3—4); *teruni ardiše... VI URĪṢU ṢĪḤRU ḥaldie nipsidi'ali* 'установил-он правило... шесть козлят богу Халду пусть будут убитыми' (Corpus, 18, стк. 2—3). Основа глагола *nipsidu* с добавлением суффикса *-i'ali* утратила исходный показатель переходности действия -u. Отмечаемый Г. А. Меликишвили формант *-uali*, в том же значении показателя множественного числа,²⁴ может оказаться разночтением *-i'ali*, сохранившим огласовку переходного действия.

-iani, *-diani* — возможный запретительный формант повелительного наклонения. Примером может служить слово *laku-iani*, встречающееся в тексте одной из Армавирских надписей (Над. № 169): *mei giei inani arniušinani lakuiani* 'не должен он ничему из этих предметов повредить' (стк. 5—7, см. условный перевод И. Фрид-

²⁴ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 73.

риха).²⁵ Глагол в его полной основе *lakudu-* выступает в той же надписи в форме пермансива: *aluše gieī inani arniušinani lakudulie* 'кто что-нибудь из этих сооружений (?) испортит' (стк. 17—18). Последняя фраза взята из формулы проклятия той же самой надписи. В ней повторяется предыдущий повествовательный текст, в котором говорилось о запрещаемых действиях (*mei laku-iani* 'не должен он испортить'). В заклинательном тексте призывается гнев богов на того, кто совершит те же деяния (*aluše lakudu-lie* 'кто испортит'). Тем самым подтверждается глагольное значение слова *laku-iani*. Прибавление суффикса *-iani* к основе *lakudu-* привело к стяжению этой глагольной основы, утратившей не только показатель переходности действия (*-u*), но также и предшествующий ему согласный *-d* (из *lakudu-iani*).

Та же надпись № 169 дает все основания видеть вариант того же суффикса в форманте *-diani*, добавляемом к глаголу, утрачивающему показатель переходности действия *-u*, ср. в той же надписи слова *kul-diani*, *šeruiar-diani*: *mei ini Ê. GAL kuldiani mei šeruiardiani mei gieī inani arniušinani lakuiani* 'не должен он этот дворец ни покинуть, ни разрушить-(его), ни что-нибудь из этого сооружения (?) испортить' (стк. 4—7). Глагольное значение этих форм подтверждается повторением тех же фраз в заклинательных строках надписи, где эти же глаголы стоят в пермансиве: *aluše ini Ê. GAL kulie* 'кто этот дворец покинет' (стк. 15), ср. *kul-diani*, *kulie* (из *kul-lie*). Глагол *šeruiardiani* заменяется синонимом *harharšulie* 'разрушит': *aluše ini Ê. GAL kulie aluše harharšulie aluše gieī inani arniušinani lakudulie* 'кто этот дворец покинет, кто разрушит-(его), кто что-нибудь из этого сооружения (?) испортит' (стк. 15—18). Глагол *šeruiardiani* в той же надписи повторяется в пермансиве: *šeruiar-lie* из *šeruiar-lie* (стк. 20). Отсюда можно заключить, что все три сопоставляемые глагола: *kul-diani*, *šeruiardiani*, *laku-iani* выступают в данном тексте с одним и тем же грамматическим значением.

-(i)lani — отмечается как суффикс оптатива (сослагательно-желательное будущее). В переходных глаголах присоединение этого суффикса влечет за собою отпадение показателя переходности действия *-u*, ср.: *ard-ilani* из *ardu-ilani* 'чтобы давал -он', *ha-ilani* из *hau-ilani* 'чтобы захватил -он'. Глагольные построения слов с указанным суффиксом продолжают оставаться неясными.

Спорным оказывается также причисление к оптативу слов на *-ilatini*, в которых усматривается тот же суффикс во множественном числе, ср. приводимые Г. А. Меликишвили формы во множ. ч.

(abs)-ilatini, в ед. ч. (abs)-ilanini.²⁶ Встречающиеся глаголы с этими суффиксами точному переводу не поддаются.

-(i)alani, ср. par-alani, получившееся из paru-alani с отпадением показателя переходности действия -и. А. Гётце считает этот суффикс показателем множественного числа при единственном -ilani, ср. ḥa-ialani, в ед. ч. ḥa-ilani. Г. А. Меликишвили допускает возможность видеть в нем же окончание 3-го л. множ. ч. сослагательного прошедшего времени.²⁷ Глагольное значение данного суффикса устанавливается соответствующими текстами, ср.: ŠARRU^{mes}-še ḥaialani (Сард. лет. С, стк. 29). Основой глагола выступает ḥau — 'захватывать', но грамматическая роль данного суффикса пока не улавливается.

-lalani — отмечается Г. А. Меликишвили как возможный формант 3-го л. ед. ч., соответствующий показателю грузинского так называемого результативного действительного залога (?).²⁸

Неясными продолжают оставаться глаголы, осложненные в своей основе суффиксом -ul, ср. ter-ul-u-bi (ter-u-bi) 'установил -я', suid-ul-u-bi (suid-u-bi) 'победил, отбросил -я' и др. Помещение суффикса -ul перед показателем переходного действия -и указывает, что данный суффикс относится к основе слова. Значительных расхождений в значениях таких простых и осложненных основ проследить по текстам не удастся.²⁹

²⁶ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 74.

²⁷ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 75; A. Goetze, RHA, VI, 1936, fasc. 24, стр. 282.

²⁸ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 76.

²⁹ Там же, стр. 70; Einführung ins Urartäische, стр. 5.

УРАРТО-КАРТВЕЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Выступающая в языке урартской клинописи эргативная конструкция предложения уже давно обратила на себя внимание исследователей Древнего Востока присущим ей особым приемом построения падежных форм подлежащего, связанных с переходными и непереходными глаголами. Эргативный падеж, иногда понимаемый как своеобразное использование одного из косвенных падежей,¹ вызвал к себе особый интерес. Этот падеж ясно выделяется своим противоположением именительному индоевропейских языков и нуждался в выяснении как особенностей его синтаксического употребления, так и причин, обусловивших имеющиеся расхождения в сопоставляемых грамматических построениях. Констатированием наличных расхождений по существу и ограничивалось первоначальное изучение эргативного строя урартского предложения, характерные черты которого, как и всякой вообще эргативной конструкции, вовсе не ограничивались одной только особой грамматической формой подлежащего при глаголе переходного действия.

В исследованиях последних лет структура языка Биайны получила значительные уточнения (см. упомянутые выше работы Г. А. Меликишвили). Выяснилось, что подлежащее при переходном действии стоит в урартском языке, так же как и в картвельских Закавказья, вовсе не в косвенном падеже, а в специальном активном, в других значениях не употребляемом. Глагол при переходном действии получает объектные показатели, не образуя ими форм страдательного залога, и т. д. Изучение языка с этими уточнениями его грамматического строя значительно продвинулось вперед. Все же структура урартского языка выясняется не только анализом его клинописных текстов, но и сравнительными сопоставлениями с языками других систем. Сравнение с иносистемными языками устанавливает имеющиеся расхождения в грамматических построениях предложения. Сравнения же с структурно близкими

¹ См.: С. F. Lehmann (-Haupt). Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreisen nach Armenien. Sitzungsberichten der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XXXII, Berlin, 1900, стр. 633; см. также мои работы: 1) Халдоведение, Баку, 1927, стр. 127—129; 2) Язык Ванской клинописи. Л., 1935, стр. 139—140.

языками выявляют наличные в них схождения и расхождения в деталях оформления отдельных синтаксических оборотов. Сопоставления с соседящим ассирийским языком, с его иной системой построения предложения, уточняет значения лексического состава в двуязычных надписях, но не грамматическую форму слов в урартском языке. Последнее получает показательный материал в структурно близких языках, в первую очередь в наиболее близких с ним картвельских и дагестанских.

Эргативная конструкция нуждается во всестороннем анализе, результат которого установит как место урартского языка Биайны среди остальных языков, сближаемых по своему синтаксическому строю, так и особенности его собственного грамматического строя. Типологические сопоставления, проведенные рядом исследователей, неоднократно отмечали близость языка Биайны к иберийским языкам Кавказа. Следуя этим указаниям, я предваряю свой заключительный подход к урартскому кратким изложением истории развития иберийских-кавказских языков, устанавливаемой их специалистами. Многие выдвигаемые ими положения, касающиеся древних периодов развития картвельских языков, дают полное основание учитывать их при характеристике синтаксического строя предложения в дошедших до нас письменных памятниках Урарту.

В итоге проводимых сопоставлений со структурой иберийских-кавказских языков можно легко убедиться, что глагол в урартском языке выступает носителем всех основных признаков глагола эргативного строя предложения. Последнему свойственна „безаккузативность переходного глагола“, сводящаяся к отсутствию винительного падежа и к специфическому использованию вербальных показателей субъекта и объекта, согласуемых с эргативным падежом подлежащего и именительным падежом прямого дополнения. Ясно выделяются особенности построения переходного глагола в его отличии от непереходного. Выделяются их различные системы спряжения по лицам и общая для обеих категория времен. Она и обращает на себя особое внимание. Парадигмы спряжения урартского глагола намечены, переходные и непереходные глагольные формы установлены, но грамматическая категория времени, прослеживаемая лишь в двух разновидностях, вызвала в своем определении ряд сомнений, а видовые отличия хотя и ясно выступают, всё же уточнению не поддавались. Здесь параллели с картвельскими языками оказываются необходимыми тем более, что весьма близкое положение этих же грамматических категорий в развитии той же самой эргативной конструкции вскрывается историей древнегрузинского языка.

На вопрос об образовании в картвельских языках времен и видов специалисты по этим языкам останавливались неоднократно. В итоге анализа материала письменных памятников древнегрузин-

ского языка выделились в последние годы два направления. Одно из них устанавливает период, предшествовавший формированию временных и видовых показателей глагола (учение об аспектах А. С. Чикобава). Другое рассматривает развитие временной категории глагола в тесной связи с их видовым содержанием, в чем нетрудно усмотреть последующую перестройку тех же самых аспектов в глагольные группы с видо-временным значением (учение А. Г. Шанидзе о скривах).

В 1941 г. А. Г. Шанидзе, в плане общего языкознания, специально остановился на разборе приводимых в грамматиках различных глагольных группировок. Он указал, что „имея отдельные группы глагольных форм, объединяющихся по общим грамматическим признакам, создающим понятия о группах как о целых категориях, мы не имеем специального термина, обозначающего эти группы с присущими им основными семантико-морфологическими понятиями. Всякий раз, когда нам приходится говорить о них как о грамматической величине, употребляем слова «время», «наклонение» или ничего не говорящее слово «форма»“.² Считая отождествление глагольных групп с временами или наклонениями в корне неправильным, А. Г. Шанидзе выдвигает термин „ряд“ („скрива“) для обозначения однородных групп глагольного спряжения, объединенных общими грамматическими признаками, но различающихся по лицам и числам, иногда также по родам или классам.

А. Г. Шанидзе утверждает, что в древнегрузинском языке такие ряды-скривы объединялись общим для них элементом спрягаемых глагольных форм, каковым являлся вид. Ряды (скривы) разбивались на две серии соответственно системам выражения совершенных и несовершенных форм. В древнегрузинском категория вида входила в систему спряжения, в новогрузинском же она вышла из системы спряжения и заняла место в словопроизводстве.³

Признание за видом ведущего значения при выделении древних скрив имеет непосредственное отношение к анализу временных форм урартского языка, остающихся не вполне ясными при обычном делении глагола по временам. Обособленно взятые материалы урартского языка ограничиваются выделением в нем двух времен — настоящего и прошедшего. Уточнение их содержания нуждается в дополнительных сопоставлениях с языками различных систем.

² А. Г. Шанидзе. Категория ряда в глаголе. Известия Института языка, истории и материальной культуры АН Груз. ССР, X, 1941, стр. 209.

³ А. Г. Шанидзе. Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия. Сообщения АН Груз. ССР, III, 1942, № 9, стр. 953—958.

Благодаря наличию двуязычных надписей представляется возможность сопоставления выступающих в них синтаксических приемов построения предложения. Их анализ выявляет резкие расхождения в самих системах синтаксических конструкций. Урартский язык и современный ему ассирийский принадлежат двум разным языковым системам. Их сопоставлением выясняется структура эргативного строя предложения, содержание же выступающих в нем глагольных форм здесь уточнению не поддается. Обращая особое внимание на них, приходится останавливаться на языках более близких по своей структуре, к числу которых относятся картвельские и дагестанские. Первые из них, при наличии многовековой письменности, поддаются более детальному рассмотрению. В истории развития их временных форм выделяются уже упомянутые ряды (скривы). В тесной связи с рядами (скривами) в том понимании, какое дается им А. Г. Шанидзе, стоит учение А. С. Чикобава о глагольных аспектах, равным образом опирающееся на видовые различия и уходящее в глубь истории развития картвельских языков.

На выделении довременных аспектов А. С. Чикобава останавливался еще в своих ранних работах, на которые он ссылается и в последнем своем обзоре, помещенном в предисловии к сборнику „Эргативная конструкция предложения“ (М., 1950). Так, в работе 1943 г. „Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола (К истории эргативной конструкции в грузинском языке)“⁴ А. С. Чикобава останавливается на характерном для картвельских языков одновременном использовании различных синтаксических структур предложения и дает обоснование их исторического развития постепенными переходами от индефинитной конструкции, когда именные и глагольные основы в этих языках еще не были дифференцированы и когда в процессе дифференциации глагол получил грамматическое оформление раньше имени.

Исследователи исходят из наличия как в древнем, так и в новом грузинском языке трех синтаксических конструкций: номинативной — в образовании группы настоящего времени, эргативной — в образовании группы аориста и дативной — в образовании группы результативных времен. Анализируя эти различные синтаксические построения с разными падежами подлежащих и своими особенностями глагольной аффиксации, А. С. Чикобава „приходит к выводу, что древнейшей конструкцией при переходных глаголах грузинского языка является эргативная конструкция. Она характерна для того периода, когда в спряжении различались не вре-

⁴ Сообщения АН Груз. ССР, IV, 1943, № 1, стр. 96—97. — Цитаты приводятся по резюме на русском языке.

мена, а аспекты". Выделяя последние, автор цитируемой работы имеет в виду такие глагольные формы, которыми передается не время совершения данного действия, а содержание выражаемого им процесса, передаваемого или в длительном его протекании, или же без последующего движения, как действия уже законченного и воспринимаемого говорящим лицом в его завершенной результативности.

Выделяются два начальных аспекта, легших в основу последующего образования времен и видов в их тесной взаимосвязанности. Таким образом эти две грамматические категории имеют в картвельских языках общий первоисточник, из которого они вышли и которым до известной степени обусловлены в своем дальнейшем развитии. По материалам древнегрузинской письменности выделяются два аспекта: дюративный (пермансив) и моментный (аорист): *man aketis igi* 'он, бывало, делал (делает) то' — пермансив; *man aketa igi* 'он делал то' — аорист. Морфологическое выражение времен в обоих этих построениях отсутствует. Подлежащее в обоих предложениях (*man*) стоит в активном (эргативном) падеже, винительный падеж (аккузатив) отсутствует, прямое дополнение (*igi*) стоит в именительном падеже, глагол получает различную морфологическую структуру, передающую не время, а упомянутые выше аспекты (*aket-i-s*, *aket-a*). Устанавливаемое наличие в картвельских языках аспектов должно быть учтено при анализе выделяемых в урартском языке двух времен.

А. С. Чикобава устанавливает, что оба аспекта, выраженные пермансивом и аористом, давали в картвельских языках эргативную конструкцию, когда настоящее время еще вовсе в глаголе не выражалось. Следовательно, на этой стадии развития грузинского языка вместо деления глагола по временам, давшим три основные группировки (каждая со своими синтаксическими особенностями построения предложения с разными падежами подлежащего и различными грамматическими формами глагола), существовало деление на два аспекта.

Они различались по характеристике протекания самого действия, а не по содержанию выступающего в них глагола. Переходные и непереходные глаголы получали грамматическое оформление по своему лексическому значению, чему соответствует построение предложения с исторически прослеживаемыми в нем изменениями. Номинативная конструкция, наличная при переходном глаголе в первой группе времен современного грузинского языка, признается тем же исследователем за более новое образование. Переходный глагол в период аспектов сочетался с эргативным строем предложения во всех трех временных группах. Что же касается непереходных глаголов, то при них подлежащее и в тот период развития грузинского языка ставилось в именительном

падеже. Выступающая здесь номинативная конструкция существовала параллельно с эргативной также и в периоды аспектов.⁵

Детальный анализ данных древнегрузинского языка приводит специалистов по этому языку к следующему заключению: при переходных глаголах вначале вместо наличных в современном грузинском языке двух конструкций (номинативной и эргативной) имела одна эргативная. Переходный глагол тогда (в период аспектов) обходился без номинативной конструкции. Эргативная конструкция употреблялась при аористе, пермансиве и сослагательном II: *man (mo)kla* 'он убил' (аорист); *man (mo)klis* 'он убивал' (пермансив); *man (mo)klas* 'чтобы он убил' (сослагательное II). Во всех трех примерах подлежащее стоит в эргативном (активном) падеже: *man* 'он', ср. именительный падеж *igi* 'он'. Позднее, в процессе образования времен, пермансив выступал в роли, в дальнейшем возлагавшейся на настоящее время, от которого образуется прошедшее несовершенное, а от последнего — сослагательное I, используемое и для передачи будущего несовершенного. Прошедшее несовершенное и сослагательное I восходят, таким образом, к основе настоящего времени и требуют номинативной конструкции. Раньше же они образовывались от основы пермансива и требовали эргативной конструкции. Следовательно, эргативная конструкция переходных глаголов является в грузинском языке синтаксической конструкцией периода аспектов. Что касается видов, то они, образуемые с помощью специальной префиксации, выделились позднее аспектов: „С переходом на новую систему категория вида вышла из системы спряжения и заняла место в словопроизводстве“.⁶

Отсюда делается вывод, что образование в грузинском языке первой группы времен (с номинативной конструкцией) относится уже к периоду выделения времен, в частности настоящего времени, которое „образовалось впоследствии путем перестройки пермансивно-аористной основы с наращением основообразующих суффиксов“. Эта перестройка, в ее постепенном развитии, обусловила создание номинативной конструкции (по сути, активной — в отличие от эргативной конструкции, являющейся вначале нейтральной, и никогда не бывшей пассивной). Что касается третьей группы времен (с дативной конструкцией), то она представляет собой „инверсивные формы, восходящие к настоящему времени

⁵ См.: А. С. Чикобава, Г. В. Церетели, В. М. Беридзе. Языковедческая работа в Советской Грузии. Вопросы языкознания, 1952, № 2, стр. 144, 148.

⁶ См.: А. С. Чикобава. 1) Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола, стр. 96—97; 2) Проблемы эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I, Тбилиси, 1948, стр. 134; А. Г. Шапидзе. Имененные системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его наследиях, стр. 953—956.

(результативное I), к аористу (результативное II), к сослагательному II (сослагательное III)".⁷ Следовательно, эта конструкция по своему образованию самая поздняя.

Таким образом по материалам древнегрузинской письменности дается история развития синтаксических конструкций грузинского языка и прослеживаются происходящие в них качественные изменения. Вначале в основу ложатся аспекты с эргативным строем переходного предложения, затем времена, в число которых включается и аорист, сохраняющий эргативную конструкцию при номинативном строе предложения в группе настоящего времени, и далее — их инверсивные формы с дательным падежом подлежащего. В итоге получаются три одновременно действующие синтаксические конструкции современного грузинского языка: номинативная, эргативная и дативная. Устанавливается историческая последовательность в образовании отдельных грамматических форм: „Из падежей наиболее древними оказываются родительный и дательный. Эргативный (повествовательный) и именительный оформились позднее в результате наращивания местоименных частиц на основу... Эргативная конструкция предшествовала номинативной при переходных глаголах; при непереходных глаголах номинативная конструкция — явление древнее. Обе конструкции ведут начало от индефинитной“.⁸

Для языка биайнской клинописи показательные материалы картвельских языков могут оказаться достаточными, но для общего вопроса об аспектах и временах представляют интерес и иные материалы, оставшиеся незамеченными. Так, в языках *ненецком* (самодийской группы), *кетском* и *юкагирском* выступают весьма близкие параллели, но они не были обнаружены, так как типологические параллели брались только по линии синтаксиса, названные же языки не имеют эргативного предложения, почему и оставались в тени. Между тем в *кетском* (енисейско-остяцком) языке глагол имеет только два времени: прошедшее и настоящее-будущее, причем переходные глаголы в обоих временах изменяют свою форму в зависимости от дополнения, передающего одушевленные либо неодушевленные предметы; ср. 1) настоящее-будущее время (пермансив?): *ат дьеськавей богдом* 'я роняю ружье'; *ат дьесьнагхавей вьсьеп* 'я роняю брата'; 2) прошедшее время (аорист) *ат*

⁷ А. С. Чикобава. Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола, стр. 96—97 (резюме на русск. яз.); А. Г. Шанидзе. Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия, стр. 957—958.

⁸ Эти положения, высказанные еще в 1943 г., сохраняют силу, см.: А. С. Чикобава. 1) Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола, стр. 96; 2) Проблемы эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, стр. 129—130; ср.: Языковедные работы в Советской Грузии, стр. 144, 148.

дъеськовындак' богдом 'я уронил ружье'; ат дъесъновындак' вьисеп 'я уронил брата'." Обои построениями глагола передаются в кетском языке как вид совершаемого действия, его длительность и мгновенность, так и время его исполнения в настоящем и прошедшем, выражая их в их взаимной связи, а не каждое в отдельности. Кетский глагол ограничивается этими двумя основными его построениями. Иных обозначений вида и времени он не дает. Тем самым выделяются в современном строе кетского языка видовременные аспекты, пермансив и аорист, в их ныне действующих грамматических формах.

Что же касается юкагирского языка, то В. И. Иохельсон устанавливает в нем тоже „только два времени: совершенное (настоящее-прошедшее) и несовершенное (будущее). Действие может быть или совершившимся или имеющим совершиться“. Автор дает содержанию этих времен следующее объяснение: „Совершенные действия состоит из непрерывного ряда моментов, каждый из которых по отношению к действующему лицу является прошлым или будущим: *мэт кудэдэ 'я убил и убиваю', мэт кудэдэт 'я убью'*“.¹⁰ В основу такого деления глагола на времена ложится не само время, а степень передаваемой им завершенности и незавершенности действия. Повествующее лицо может говорить о действии, законченном также и в настоящем времени. Тем самым и здесь выступают не времена, а аспекты длительного и моментного действия; ср. у Е. А. Крейновича: „В изъявительном наклонении действие выражено как реально происходившее, происходящее либо как такое, которое произойдет в будущем. В юкагирском языке есть два времени: аорист и будущее время“.¹¹

Такое же видо-временное деление глагола (пермансив и аорист) выступает в ненецком (самодийском) языке, материалы которого оттеняют условность содержания термина „время“ в его обычном употреблении школьными грамматиками. В этом языке специалистами противопоставляются время в его движении и время без движения. „При рассмотрении форм спряжения в ненецком языке, — говорит исследователь этого языка Н. М. Терещенко, — принято выделять два времени: неопределенное и прошедшее. Формы,

⁹ См.: Н. К. Каргер. Кетский язык. Сб. „Языки и письменность народов Севера“, III, Л. 1934, стр. 235—236. — Следует выяснить, не выступает ли здесь, вместо одушевленности и неодушевленности предмета, деление имен существительных по классам: человек (с различием мужчин и женщин) и не-человек, по схеме лингвистических классов в иберийских-кавказских языках. По затронутому вопросу см.: А. П. Дultzoi. О категории рода в кетском языке. Доклады VII научной конференции, вып. 1, Томск, 1957, стр. 126—128; Е. А. Крейнович. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке. Вопросы языкознания, 1961, № 2, стр. 106, 116.

¹⁰ См. Языки и письменность народов Севера, III, стр. 169.

¹¹ Е. А. Крейнович. Юкагирский язык. М.-Л., 1958, стр. 124.

обозначаемые термином неопределенное время, характеризуют совершаемость действия, его процесс. Они как бы нейтральны по отношению к моменту речи. Формы, обозначаемые термином прошедшее время, напротив, содержат в себе указание, что обозначаемое ими действие не относится к данному моменту, а совершилось (или совершалось) в более или менее отдаленном прошлом. Они являются застывшими, находящимися без движения".¹² Давая такое определение содержанию приводимых глагольных форм, Н. М. Терещенко приходит к следующему выводу: „Указанные особенности значения рассматриваемых форм свидетельствуют о том, что термин время может быть принят для ненецкого языка в значительной степени условно".¹³ Оба выступающие здесь аспекта выделяются в грамматическом строе современного нам языка при его номинативной конструкции предложения.

Привлеченный материал, устанавливающий ныне действующую грамматическую структуру глагола в кетском, юкагирском и ненецком языках, может быть использован при их сопоставлениях с видо-временными аспектами иберийских-кавказских языков и урартского, передающего действие в его движении и действие законченное. Дюративный и моментный аспекты ясно выделяются во всем грамматическом строе предложения юкагирского и ненецкого языков. Такие же аспекты устанавливаются в картвельских углубленным анализом письменных источников древнегрузинского языка. Благодаря наличию многовековой письменности сравнительный метод сочетается в этом языке с историческим, не ограничиваясь одними только типологическими сопоставлениями, допустимыми по своей целевой установке при изучении структуры упомянутых выше младописьменных языков. В ином положении по сравнению с ними находятся иберийские-кавказские языки, в которых грамматическая структура предложения поддается сравнительно-историческому анализу в пределах одной родственной группы картвельских языков. У них, с одной стороны, имеется охват письменных памятников длительностью в пятнадцать веков, с другой — они сами, весьма близкие друг к другу, выявляют ряд расхождений, пополняя материалы одного языка материалами другого.

Для установления места, занимаемого урартским среди других соседящих языков, и для характеристики наличного в нем грам-

¹² Н. М. Терещенко. Краткий грамматический очерк ненецкого языка. Приложение к „Русско-ненецкому словарю“, М., 1948, стр. 370.

¹³ Там же. — Тот же автор в очерке к „Ненецко-русскому словарю“ (Л., 1955) прибавляет к этим двум временам еще третье — будущее. Неопределенное время тут же характеризуется как передающее совершающееся или недавно совершившееся действие, с выражением оттенка длительности и несовершенности (стр. 283).

матического строя особое значение получает возможность проследить развитие синтаксических и морфологических категорий, не выходя за пределы близких ему языков Кавказа. Поэтому внимание исследователей урартского языка древней Биайны обращается сейчас на картвельские языки, в которых три выделяемые группы времен строятся на аспектах пережитых периодов. Их сравнительно-исторические сопоставления могут иметь решающее значение, разъясняя затронутый вопрос о выступающих в изучаемом языке „временах“ — аспектах (?) и пополняя материалами одного картвельского языка обнаруженные данные в другом. При наличии аспектов, пережитых всеми картвельскими языками, их следы выступают в каждом из них. Последовавшее за ними развитие временных категорий получило в каждом из названных языков свое направление, что в значительной степени содействует пониманию содержания самих аспектов.

В современном грузинском языке выделяются три группы времен с разными падежами подлежащего. В первой группе времен передается незаконченное действие в настоящем, прошедшем несовершенном и сослагательном I со значением будущего. Подлежащее при них ставится в именительном падеже, прямое дополнение — в дательном-винительном, по схеме номинативного предложения. Во второй группе времен передается законченное действие, выражаемое аористом и сослагательным (оптативом), используемым для обозначения завершеного действия в будущем. Ср.: *da-v-tser-e* 'написал-я' (аорист); *da-v-tser-o* 'что-бы написал-я', 'напишу' (оптатив). Предложение в этой группе времен имеет эргативную конструкцию. В третьей группе времен (прошедшее результативное) выступает инверсивная форма предложения с дательным падежом подлежащего.¹⁴ Все три группы времен сочетаются в этом языке со своими особыми синтаксическими конструкциями. Структура предложения в современном грузинском языке различается по содержанию передаваемого им действия. Действие в его движении объединяется первой группой времен с единым падежом подлежащего (именительным).¹⁵ Действие, завершенное в его движении, образует вторую и третью группы времен с разными падежами подлежащего. В аористе выделяется завершенное переходное действие, направленное на определенный предмет, с подлежащим в активном падеже, и завершенное непереходное действие с подлежащим в именительном падеже, в котором ставится прямое дополнение при переходном действии. Этой временной группе, передающей аористом эргативный строй пред-

¹⁴ Б. Т. Руденко. Грамматика грузинского языка. М.—Л., 1940, стр. 116—137.

¹⁵ За исключением глаголов чувственного восприятия, имеющих и в группе настоящего времени инверсивные формы с дательным падежом подлежащего.

ложения завершенного действия, противопоставляется группа времени, выражающая незаконченность действия номинативным строем предложения.

В мегрельском языке той же картвельской группировки (мегрельский диалект занского языка) имеются свои, выделяющие его особенности, заключающиеся в том, что падеж подлежащего различается в аористе не по переходности и непереходности действия, как в ряде картвельских и дагестанских языков, а по видо-временным группам глагола во всех его временах. В мегрельском, так же как и в грузинском, выступают три группы времен: настоящего, аориста и прошедшего результативного. Каждая из этих групп выделяется ей специально приуроченным грамматическим построением предложения с соответствующим падежом подлежащего. Первая и третья имеют, как и в грузинском, номинативную и дативную конструкции с подлежащим в именительном и дательном падежах. Именительный падеж в первой группе времен (настоящее, прошедшее несовершенное, сослагательное I, оно же будущее), как это и соответствует номинативному строю предложения, выступает падежом подлежащего как при переходных, так и при непереходных глаголах. Прямое дополнение ставится в винительном-дательном падеже. Первая группа времен имеет единый падеж подлежащего — именительный.¹⁶ Во второй (аористной) группе налицо другой падеж подлежащего (активный). Этим аорист отличается от настоящего времени с его именительным падежом подлежащего, используемым при аористе для оформления прямого дополнения. Переходный глагол оказывается при аористе и здесь „безаккузативный“, но активный падеж подлежащего вовсе не приурочивается в мегрельском языке одному только переходному глаголу. Он выступает падежом действующего лица и при непереходных глаголах. Во второй группе времен (аорист) единым падежом подлежащего остается активный.

Оказывается, таким образом, что в мегрельском языке при всех временах различие переходных и непереходных глаголов ограничивается их собственной грамматической формой, а не падежами подлежащего. В мегрельском языке отсутствует противопоставление номинативного строя предложения при непереходных глаголах эргативному при переходных (ср. обратное в грузинском и чанском). Оба эти предложения (переходного и непереходного действия) синтаксически отличаются в мегрельском только присутствием или отсутствием прямого дополнения, морфологически же они, в пределах каждой временной группы, расходятся построением глагола. Грамматическая форма подлежащего остается общей

¹⁶ См. предыдущее примечание.

для обеих разновидностей предложения. Падеж подлежащего изменяется в мегрельском языке не по переходности и непереходности передаваемого действия, а по самим временным группам. В первой группе времен (настоящее и производные от него) таким общим падежом подлежащего является именительный-неоформленный, во второй группе (аористной) — активный, в третьей группе (прошедшее результативное) — дательный. Падеж подлежащего, закрепленный за каждой из этих временных групп, соответствует содержанию ими передаваемого действия. Именительный падеж связан в этом языке с длительно совершающимся действием (падеж пермансива). Активный падеж сочетается с действием законченным в своем движении независимо от его отношений к субъекту и объекту (падеж аориста). Отвечая в основном содержанию аспектов, эти два падежа по ним же и выделяются в названном языке.

В аористной группе времен мегрельского языка активный и именительный падежи полностью не соответствуют этим же падежам в грузинском языке, так как активный падеж в грузинском не может стоять при непереходном глаголе, тогда как в мегрельском он занимает во второй группе времен также и это положение. Именительный падеж должен при эргативном аористе грузинского языка оформлять не только прямое дополнение при переходных глаголах, но и подлежащее при непереходных, чего нет в мегрельском. При аористе мегрельского языка именительный (неоформленный) падеж остается только падежом прямого дополнения с его пассивным содержанием члена предложения. Следовательно, в такой синтаксической конструкции это не именительный падеж в полном его значении, хотя он по своей грамматической форме, несомненно, является тем же падежом, каким он выступает в настоящем времени того же языка, где он — полнозначный именительный. Равным образом, резко отличается и активный падеж в мегрельском аористе. Этот падеж, оформляя также и подлежащее при непереходном глаголе, не соответствует в полной мере активному падежу грузинского языка, который, как и в большинстве других языков с эргативным строем предложения, выражает активность действия лишь при переходных глаголах. В мегрельском языке активный падеж получает в эргативной конструкции общее для занских языков картвельской группы (мегрельского и чанского) падежное окончание -q, которое в мегрельском оформляет полнозначный активный падеж при всяком глаголе, поставленном в аористе, ср. структуру предложения второй группы времен (завершенное действие) в мегрельском: kot'sh-qə dotšarə tsingi 'человек написал книгу' (переходный глагол); kot'sh-qə qəmorðə 'человек пришел сюда' (непереходный глагол). Подлежащее в обоих примерах стоит в одном и том же эргативном

падеже на -q (kot'š-qə 'человек'), имея при переходном глаголе прямое дополнение в именительном падеже (tsingi 'книга, письмо').¹⁷

В чанском (лазском) языке нет номинативной конструкции при переходном глаголе ни в настоящем времени, ни в аористе. Единственный падеж подлежащего не выступает ни в одной из указанных групп времен. Винительный падеж прямого дополнения отсутствует. При всех выделяемых временах имеется два разных падежа подлежащего: неформленный (именительный) при непереходных глаголах и активный (эргативный) при переходах. Инверсивные формы третьей группы времен не выступают. Таким образом в чанском языке эргативная конструкция охватывает всю парадигму глагольного спряжения с соответствующим изменением падежей подлежащего по всем основным временам. Этим чанский язык отличается от грузинского и мегрельского, в которых эргативный строй предложения имеется только в аористой группе и тем самым противопоставляется чанскому построению предложения с его эргативной конструкцией также и в первой группе времен, передающей длительность незаконченного переходного действия.

В чанском языке грамматическая категория времен более развита, чем в грузинском, но устанавливаемое их наличие (четырнадцать времен) все же сводится только к двум основным — к настоящему времени, от которого образуются пять времен, и к аористу, от которого образуются девять времен.¹⁸ В чанском языке выделяются, таким образом, времена, распределяемые по двум группам, сближающимся с аспектами и объединяемым двумя сериями скрив, устанавливаемым по древнегрузинской письменности. Аспекты длительного и моментного действия, как и скривы переходного и непереходного глагола, прослеживаются в современной структуре чанского языка. В нем образуются: группа настоящего времени (ср. дюративный аспект — пермансив) и группа аориста (ср. законченное, „моментное“ действие) с их противопоставлениями также по переходности—непереходности действия на объект. Ими передаются различные отношения действия к предмету, что и отражается на падежах подлежащего. Отсутствие единого падежа подлежащего придает особое положение неформленному падежу чанского языка, который, в данной синтаксической конструкции с ее двумя падежами подлежащего, не выполняет функции именительного падежа номинативного строя предложения. Подлежащее при переходном действии имеет в чанском языке специально ему предназначенную грамма-

¹⁷ См.: И. К и п ш и д з е. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914, стр. 051—069, 0132—0134.

¹⁸ См.: А. С. Ч и к о б а в а. 1) Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта, стр. 217—225 (резюме на русск. яз.); 2) Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, стр. 132 (резюме на русск. яз.).

тическую форму. Подлежащее на -q получает одно значение активного падежа, тогда как неформленный падеж выступает в двух указанных его различных значениях. Такая постановка подлежащего в разных его падежах в одном и том же языке свойственна самой эргативной конструкции предложения, объединяющей все разновидности выступающих в ней синтаксических построений. В этой конструкции подлежащее при переходном глаголе всегда ставится в эргативном (активном, или повествовательном) падеже, а прямое дополнение — в неформленном (именительном),¹⁹ так же как и подлежащее при непереходных глаголах. Выступающие в временах чанского языка следы дуративного и моментного аспекта, как и скрив объектного и безобъектного действия, поддаются сопоставлениям с такими же грамматическими формами урартского языка.

Дошедшие до нас письменные памятники древней Биайны хотя и дают материал, однообразный по своему стилю и ограниченный по содержанию, всё же представляют значительный интерес не только для историка эпохи, но и для лингвиста. Урартский язык, засвидетельствованный письменами, относимыми к первым столетиям 1-го тысячелетия до н. э., содержит достаточный материал для установления основ синтаксического строя этого языка. Он поддается сопоставлению с грамматическими системами других языков, как ему современных, так и более молодых, но родственных по своей структуре. Урартский язык имеет выдержанную эргативную систему, наличную в языках Кавказа. Система построения предложения в урартском языке соответствует приведенной выше синтаксической конструкции предложения чанского языка, более развитого в своем делении глагола по временам, но построенного на тех же исторически сложившихся начальных периодах. Грамматический строй чанского языка, сводимый к периодам аспектов, пережил на их основе значительную перестройку. Она выступает во всех картвельских языках — грузинском, занских (чанском и мегрельском) и сванском. Во всех названных языках пережитой ими период аспектов отразился на отделении группы настоящего времени от аористной. Последняя выражением завершенности действия наиболее сближается с соответствующим ей аспектом, носящим то же наименование; но и первая, передавая незаконченное действие, непосредственно сводится в своем прошлом тоже к соответствующему аспекту.

В чанском языке все выступающие в нем четырнадцать времен восходят к двум основным (настоящее-будущее и аорист). В урартском выделяются лишь два времени с тремя парадигмами спря-

¹⁹ При наличии двух дополнений второе из них ставится в дательном падеже, соответствующем косвенному дополнению.

жения глагола.²⁰ Две из них выступают в аористных формах глагола, одна для переходного и другая для непереходного. Третья парадигма используется для обозначения настоящего-будущего времени. Производных от них времен установить по наличным памятникам не удастся. Переходное и непереходное действие различаются в урартском не только оформлением глагола, но и падежами подлежащего, как в аористе, так и в первой группе времен. По содержанию передаваемого действия в обоих сопоставляемых языках выделяются две конструкции предложения с двумя разными падежами подлежащего. При переходном действии грамматический субъект ставится в эргативном (активном) падеже, при непереходном — в именительном. Эти две синтаксические конструкции сохраняются независимо от деления по временным группам, которые различаются лишь оформлением глагола. Ср. аористную форму в урартском языке: uštabi^m Menuani 'выступил Менуа'; непереходный глагол, стоящий в 3-м лице (-bi) с показателем непереходности действия -a (ušt-a-bi), сочетается с именительным падежом подлежащего, получившего суффикс -ni (Menua-ni).^m Menuaše... ini pile aguni 'Менуа... этот канал провел'; переходный глагол с показателем переходности действия -u и соответствующим объектным окончанием 3-го л. ед. ч. -ni (ag-u-ni 'провел он его') согласуется с подлежащим в эргативном активном падеже (Menua-še). Прямое дополнение (pile 'канал') получило именительный падеж, в котором ставится также и действующее лицо при непереходном глаголе. В аористе всех предложений с их различными падежами подлежащего при переходных и непереходных глаголах передается действие, совершение которого закончено в прошлом и для повествующего лица представляется уже вне процесса движения.

Иную суффиксацию получают те же глаголы, выражающие длительное действие в его процессе, ср.:^m Menua-še a-le 'Менуа говорит'; alu-še uli-še tiu-le ie-še ini pile ag-u-bi 'кто другой скажет: я этот канал провел'. Длительность действия, как в настоящем, так и в будущем временах, не различается глагольной формой (a-le, tiu-le), подлежащее стоит в эргативном падеже, как и при аористе (Menua-še, alu-še, uli-še, ie-še).²¹ Особенно убедительно выступает различие глагольного оформления в последнем из приведенных примеров, в котором имеются и глагол длительного действия (tiu-le) и глагол завершено-моментного действия (ag-u-bi) с суффиксом 1-го лица переходной формы, в отличие от

²⁰ См.: J. Friedrich. Einführung ins Urartäische, стр. 5—8.

²¹ Последняя форма (ie-še) возбуждает сомнение. Возможно, что местоимение первого лица включает последний слог в свою основу (ieše). В последнем случае придется признать, что эргативный падеж в местоимениях выступает только в 3-м лице, ср.: alu-še, uli-še.

3-го лица -ni: ag-u-ni 'провел-(он)-его', ag-u-bi 'провел-(я)-его'. Текст данной фразы: 'кто другой скажет (будет утверждать): я этот канал провел' — имеет в виду действие, предстоящее в будущем, когда кто-то присвоит себе деяние, завершённое в прошлом. Выделить другие временные формы в урартском языке не представляется возможным.

Одному из этих двух времен присваивается вполне ему соответствующее наименование аориста, констатирующего действие, рассматриваемое без его движения. Действие уже совершено и в этом виде излагается повествователем, ср. в 3-м лице: ag-u-ni 'провел-(он)-его', ter-u-ni 'воздвиг, установил-(он)-его'. Во всех этих глагольных формах имеется в виду достигнутый результат. Предшествующая ему длительность акта не имеет значения, что и придает аористу, с таким его содержанием, значение завершённого-моментного действия, то есть не времени, а аспекта. Другое время (настоящее-будущее) отмечает длительность незавершённого процесса, что соответствует пермансиву. Определение структуры времен урартского глагола ограничивается этими представленными по нему данными. Основываясь на них, можно прийти к заключению, что выступающие в письменных памятниках Биайны только два времени соответствуют по своему назначению упомянутым выше аспектам, передающим действие в процессе его движения и констатирующим его в своем окончательном завершении. Эргативная конструкция предложения сохраняется в урартском языке в обоих временах.

Эргативная конструкция занимает в истории спряжения грузинских глаголов особое место, уточняя по ним пройденные пути развития синтаксических построений предложения в картвельских языках. В их истории эргативный строй сочетается с номинативным, причем за каждым из них сохраняется своя система передачи объектных и безобъектных отношений. Это дало основание А. С. Чикобава утверждать в одной из позднейших его работ, что „эргативная конструкция предшествовала номинативной при переходных глаголах; при непереходных глаголах номинативная конструкция — явление древнее. Обе конструкции ведут начало от индефинитной“.²² К ней сводятся также намечаемые периоды аспектов. Таким образом от индефинитной конструкции выводятся в картвельских языках и эргативная и номинативная с пережитыми в них аспектами, характеризующими один из ранних этапов развития глагола.

Эргативная конструкция урартского предложения выделяется не только наличием двух времен, совпадающих по своему содержанию с аспектами. Последние прослеживаются и в других язы-

²² См.: Языковедная работа в Советской Грузии, стр. 148.

ках, например, в упомянутых выше ненецком и юкагирском.²³ Особенностью, выделяющей урартское предложение, является синтаксическая позиция подлежащего. Оно в этом языке ставится не в одном из косвенных падежей, как в дагестанских и ряде других языков, а в специальном активном на -*še*. При этом падеже подлежащего прямое дополнение получает именительный падеж, которым в эргативной конструкции отмечается состояние лица как связанного с безобъектным действием, так и испытывающего на себе результаты действия, совершаемого другим лицом. Такое эргативное построение предложения, отличающее его от номинативного с единым падежом подлежащего, выделяется особенностями своей структуры, недоучет которых может приводить к ошибочным выводам. Одним из них и оказывается признание активного падежа в урартском языке за косвенный падеж, с соответствующим его переводом. В основу легло сопоставление предложения: *Ṁenuaše ini pile agupī* 'Менуа этот канал провел' с его передачей на индоевропейские языки. В именительном падеже урартского предложения стоит не подлежащее, а прямое дополнение (*pile* 'канал'), что и привело выдающегося исследователя этого и родственных ему языков И. Фридриха к признанию строя урартского предложения пассивным по аналогии с индоевропейскими ('Менуей этот канал проведен').²⁴ Такой перевод не соответствует содержанию активного падежа, который в урартском (-*še*), так же как и в картвельских (-*ma*, -*q*), выступает только в позиции подлежащего.

Проводимые параллели с разносистемными языками выявляют отличие эргативного построения от номинативного, но не могут давать исчерпывающего определения самой эргативной конструкции. Она уточняется материалами языков, близких ей по своему синтаксическому строю. По ним представляется возможность выяснить те задания, которые возлагаются на соответствующее синтаксическое построение и используемые в нем грамматические формы. Так, упомянутый И. Фридрихом эргативный падеж устанавливает активное участие субъекта в совершаемом действии, но оно не имеет однообразного выражения в построении предложения, что и получает свое отражение в его различной структуре. В мегрельском языке этим падежом оформляется действующее лицо не только при переходных глаголах, но и при непереходных во второй группе времен. Активный падеж подлежащего передает здесь всякое уже законченное действие. Незаконченное (пер-

²³ Ср. также: Б. К. Г и г н е й ш в и л и. О категории аспекта в удинском языке. Иберийско-кавказское языкознание, XI, Тбилиси, 1959, стр. 361—383.

²⁴ J. F r i e d r i c h. Einführung ins Urartäische, стр. 19.

вая группа времен) требует в том же языке номинативного строя предложения с именительным падежом подлежащего. Таким образом в мегрельском языке падежами подлежащего противопоставляются дюративное действие и моментное. В урартском языке, как и в чанском, используется иная синтаксическая конструкция с другим назначением наличных в ней падежей грамматического субъекта. В этих языках активный падеж оформляет подлежащее лишь при действии, переходящем на объект независимо от времени его завершения. Этот падеж связан в данном построении предложения с обозначением не аспектов, а содержания самого передаваемого действия. При непереходном глаголе, во всех его временах, подлежащее в тех же языках ставится в неоформленном падеже, который, выступая в разных синтаксических позициях, может получать дополнительную суффиксацию, если обозначаемое им слово выделяется по своему значению контекстом фразы.²⁵

В том же урартском языке может отмечаться особым грамматическим приемом положение того слова, преимущественно имени собственного и его эпитетов, которые выделяются в общем тексте предложения. С этим назначением используется суффикс *-ni*, когда он присоединяется к прямому (неоформленному) падежу. Аналогичный суффикс, оформляя косвенный падеж, выступает с самостоятельным значением творительного. При прямом падеже суффикс *-ni* выделяет обозначаемое им слово, занимающее ту или иную синтаксическую позицию, в соответствии с нормами построения эргативного предложения. Суффикс *-ni* в таком его использовании возводится к указательному местоимению *ini* 'этот'.²⁶ Присоединение его к прямому падежу указывает на то лицо, которое выделяется по своему значению, ср. текст надписи № 39, где суффикс *-ni* выступает в отмеченных двух его функциях — как показатель падежа косвенного дополнения и как суффикс подлежащего и прямого дополнения, поставленных в прямом падеже: ^dHaldini-ni ušmaši-ni uštabe ^mMenua-ni...hauni ĀLU Šebeteria-ni (ebanie) 'могуществом бога Халда выступил Менуа... захватил город Шебетерия (страны-его)' (стк. 6—8), ср. также в билингве Келишина: *nunali* ^mIšruini-ni ^mSardureḫe ŠARRUDAN.NU... ^mMenua ^mIšruiniḫe 'пришли Ишпуин сын Сардура, царь могучий... [и] Менуа сын Ишпуина' (стк. 2—5, 26—27). Суффиксом *-ni* выделяется только имя Ишпуина, имеющего царский титул, тогда как имя

²⁵ Используемый для этого суффикс *-ni* обычно включается в число падежных окончаний, ср.: Т. В. Гамкрелидзе. К вопросу о склонении имен в урартском языке. Труды Института языкознания АН Груз. ССР. Серия языков Передней Азии, I, Тбилиси, 1954, стр. 116.

²⁶ См. Г. А. Меликишивили, ук. соч., стр. 54.

сопровождающего его Менуи, который лишен царского титула, не имеет названного суффикса.²⁷

Строй урартского предложения сохраняет в своей основе эргативную конструкцию, которая выступает также и в картвельских языках. Наличные в них разновидности этой конструкции представляют богатый сравнительный материал, содействующий уяснению деталей построения урартского предложения. Типологические сопоставления родственных по своей структуре языков уточняют значение выступающих в языке грамматических форм.

²⁷ См. приведенный ниже разбор аналогичных построений имен собственных в тексте Келишинской билингвы.

КЕЛИШИНСКАЯ БИЛИНГВА

При дешифровке текстов древней Биайны (Урарту) приобретают особое значение две билингвы: Келишина и Топсау. О принадлежности последней царю Русе I не возникает никаких сомнений, что же касается двуязычной надписи Келишина, то наличие некоторых колебаний при отнесении ее тому или иному царю имеет место. К. Ф. Леманн-Гаупт включил ее в число надписей Ишпуина (*Corpus Inscriptionum Chaldicarum*, I, 1928, стр. 24—34), но, переиздавая ее же в томе II того же *Corpus'a* (1935, стр. 160), он допускает возможность отнесения ее к периоду совместного правления Ишпуина и его сына Менуи. Такого же мнения придерживается Г. А. Меликишвили в его полном издании „Урартских клинообразных надписей“ (М., 1960, стр. 125—131).

Основанием к этому последнему послужил сам текст билингвы Келишина, в которой приводятся оба имени (Ишпуин и Менуа), с которых и начинается повествование: *iu* ^d*Aldi-kai* *ĀLU Ardinidi nuna(li)* ^m*İšpuinini* ^m*Sardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MĀTU šuraue ŠAR MĀTU Biainaue alusi ĀLU Tušpa-ĀLU* ^m*Menua* ^m*İšpuiniḫe* (стк. 1—5), 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы [и] Менуа сын Ишпуина'.

Имена царей Древнего Вана, благодаря урартским и ассирийским источникам, устанавливаются с полной точностью, причем один из них, Менуа, занимает особое положение. Он был царевичем, стал правителем государства вместе со своим отцом Ишпуином и затем остался один, облеченный царскою властью. Поэтому помещение в надписи имени Менуи вовсе не всегда свидетельствует о том, что он выступает властителем Биайны. В надписях этого государства упоминаются не одни только цари. Их имена нередко сопровождаются именами членов царской семьи, в числе которых мог оказаться и сам Менуа, еще не достигший положения полновластного правителя, такого же, как и отец его Ишпуин.

Так, например, в надписи Тебриз-Капуси говорится о том, что Ишпуин, его сын Менуа и сын последнего Инушпуа соорудили святилище бога Халда. Все три имени поставлены в одном и том же эргативном падеже, как активно действующие лица,

но речь ведет один Ишпуин: ^dHaldinini ušmašini ^mIšpuiniše alie: ^mSardurieḫiniše ieše ^mMenuaše ^mIšpuinieḫiniše ^mInušpuaše ^mMenuaḫiniše ^dHaldiei susie šidištuše 'мощью бога Халда Ишпуин говорит: сын Сардура, я, Менуа сын Ишпуина, Инушпуа сын Менуи бога Халда святилище воздвигли' (стк. 1—6, 17—22, 33—38). О совместном деянии повествует Ишпуин. Он лишь упоминает о том, что действие совершено им вместе с сыном и внуком. Поэтому интерпретаторы приведенного текста с полным основанием относят надпись к периоду царствования Ишпуина. Менуа здесь еще не разделяет с отцом царской власти. Он выступает наряду со своим сыном Инушпуа. Царствует один Ишпуин, который и ведет все повествование от своего лица.

Такому содержанию приведенного текста, излагаемого Ишпуином, вполне соответствует постановка глагола в 1-м лице множественного числа (šidištu-še 'построили-мы', стк. 38). Царь говорит от своего имени о сооружении культового памятника и о принесении жертв им, сыном и внуком, на которых и призывается благоволение бога Халда. Здесь властителем Биайны выступает один Ишпуин.

В надписях, повествующих о совместном правлении двух царей (Ишпуина и Менуи), сказуемое, согласуемое с их именами, ставится во множественном числе, получая при переходных глаголах суффикс -itu. Этот суффикс может отсутствовать при наличии тех же двух имен, заменяемый объектным суффиксом единственного числа -ni. Такая замена личного окончания глагола обращает на себя внимание в особенности, когда царская титулатура сохраняется только за одним из лиц, указанных в надписи. Упоминание двух царских имен собственных вовсе еще не свидетельствует о том, что оба они были правителями государства. Таким мог оказаться лишь один из них, ср. Над. №№ 93—95, где Менуа, поставив камень с надписью, призывает милость Халда на себя и на своего сына Инушпуа, который не занимал царского трона. В таком же положении царевича мог находиться и Менуа сын Ишпуина, упоминаемый вместе с отцом, но еще не облеченный властью соправителя. Эти замечания касаются как цитируемой ниже надписи Ашрут-Дарга, так и Келишинской билингвы.

О сооружении такого же святилища богу Халду говорится в надписи Ашрут-Дарга. Святилище воздвигают Ишпуин и Менуа. Их имена стоят в эргативном падеже (-še). Они совместно построили храм, но отсюда вовсе не следует, что Менуа был таким же царем, как и его отец Ишпуин. В последующем тексте излагаются правила жертвоприношения. Их дает один Ишпуин и ему одному присваивается царский титул: ^dHaldie eurie ^mIšpuiniše ^mSardurieḫiniše ^mMenuaše ^mIšpuinieḫiniše ^dHaldiei susi šidištuḫi ^dHaldinini ušmašini ^mIšpuinini ^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠARRU

alsuini ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU teruni ardiše
 'богу Халду владыке Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Иш-
 пуина бога Халда святилище воздвиг(ли). Бога Халда мощью
 Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь великий, царь
 стран Биайн, властитель города Туппы. Он установил правила'
 (стк. 1—3, 6—8). Менуа и тут, как и в предыдущей надписи
 Тебриз-Капуси, упоминается в роли соучастника в построении
 храмового сооружения. Царская титулатура сохраняется за одним
 Ишпуином.

Возникает сомнение, следует ли относить данную надпись
 к совместному правлению Ишпуина и Менуи, как это делается
 во всех изданиях урартских текстов. Такое же сомнение возни-
 кает и при детальном чтении Келишинской билингвы. Решающим
 для выяснения занимаемого Менуей положения являются контекст,
 царская титулатура и, как увидим, в отдельных случаях также
 сама грамматическая форма в передаче этого имени собственного.

В урартском тексте Келишинской билингвы, разбиваемом на
 три части, обращает на себя внимание написание: 1) имени бога
 Халда, 2) имен собственных Ишпуина и Менуи, 3) глаголов, по-
 ставленных в 3-м лице аориста.

Написание имени бога Халда встречается в двух вариантах:
 в обычном для урартской и ассирийской письменности (Haldi) и
 в необычном для них, с одним гласным в начале (Aldi). Такое
 отступление от общепринятой формы (Haldi) встречается только
 в урартском тексте двуязычной надписи Келишина. Можно согла-
 ситься с теми исследователями данного текста (Г. А. Мелики-
 швили), которые усматривают в таком своеобразном написании
 имени Халда отражение его мусасирского произношения. Если
 писцом был жрец святилища Мусасира (он же город Ардини,
 о котором идет речь в надписи) и, тем более, если тому же
 писцу принадлежит ассирийский перевод той же билингвы, за что
 говорит общее с ассирийским текстом начертание клинописных
 знаков, то не устраняется возможность того, что пишущий путал
 мусасирское произношение имени бога с биайнским (=ассирийским).
 Местоположение надписи и ее содержание стоят в тесной связи
 с сакральным культом Мусасира (Ардини), что обуславливает
 участие служителя этого культа в составлении исследуемого
 памятника. Этому памятнику придается особое значение, чему
 свидетельством служит его же перевод на ассирийский язык.
 Составление такого ответственного текста царского повествова-
 ния могло быть поручено только высокограмотному лицу, кото-
 рому и биайнское (урартское) произношение имени бога должно
 было быть хорошо знакомым.

Имя бога Халда встречается в билингве Келишина 14 раз.
 Из них 6 раз выступит это имя в 3-й части данной надписи.

Все 6 раз использовано обычное написание Ḫaldi. Во 2-й части надписи стоит Aldi два раза и Ḫaldi один раз. Кроме того здесь же упоминается один раз имя того же бога с дефектным начальным знаком. В 1-й части надписи имя бога встречается 4 раза, из них 2 раза Aldi и 2 раза с испорченным клинописным знаком в трудно восстанавливаемом первом слове. Таким образом ясно, что писец пользовался и тем и другим начертанием имени Халда, причем однообразное написание Ḫaldi имеется только в 3-й части надписи.

Трудно согласиться с предположением Г. А. Меликишвили о том, что „замена aldi обыкновенной урартской формой ḫaldi произошла, возможно, в результате соответствующего указания, так как надпись составлялась от имени царей Тушпа и, вероятно, существовало определенное наблюдение над ее составлением“.¹ Хотя ясное написание Ḫaldi начинается с 23-й строки и идет в этом виде до конца надписи, все же трудно предположить, чтобы царь Биайны или им уполномоченные лица только с этой строки заинтересовались ходом начертания сакрального текста. Весьма возможно, что биайнский царь и его приближенные наблюдали за сооружением стелы и начертанием на ней надписи, но остается совершенно непонятным, почему такое внимание обнаружилось лишь в конце проводимой работы. Более вероятно другое, а именно, что выдержанное написание Ḫaldi обязано содержанию третьей части всего обширного текста, где приведена формула проклятия, стереотип которой в некоторой степени соблюден и здесь. Формула же проклятия хорошо известна по другим урартским надписям с написанием Ḫaldi.

Отсюда можно заключить, что весь текст билингвы во всех трех ее частях составлен одним и тем же лицом. Это приводит к мысли, что билингва в ее написании не разбивается на хронологические периоды в ее составлении (против этого не возражают другие исследователи). Остается под вопросом, не разбивается ли содержание самого текста на различные периоды излагаемых событий. В надписи может содержаться описание двух и даже трех одновременных посещений Мусасира биайнскими царями, сначала двумя (Ишпуином и Менуей, упоминаемыми в 1-й части), затем одним (Ишпуином — 2-я часть с одним только его именем) и, наконец, опять двумя (Ишпуином и Менуей, именами которых начинается 3-я часть).

Если в 1-й части выступают два царя, правящих одновременно, то 2-я часть, повествующая о деяниях одного Ишпуина, может относиться к его единичному правлению и текст тем самым окажется нарушившим хронологическую последовательность, так как

¹ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи, стр. 84.

царствование одного Ишпуина предшествовало совместному правлению его с сыном. Но во 2-й части надписи с именем одного Ишпуина может оказаться вставка, излагающая предшествующее посещение Мусасира (город Ардини) тем же Ишпуином в более отдаленные времена, когда он еще царствовал один. В таком случае вся надпись могла бы быть отнесена целиком к совместному правлению двух названных царей, как их надпись со включенной в середину исторической справкой о том, что было сделано до совместного посещения Мусасира обоими царями (2-я часть надписи). Но возможно и другое толкование текста всех трех частей. Менуа мог выступать соучастником в совершении описываемых деяний, но не равноправным с Ишпуином правителем государства. От решения этого вопроса зависит отнесение билингвы к числу надписей Ишпуина и Менуи, или одного Ишпуина, если Менуа здесь не наделен еще царской властью. Некоторые для того данные можно найти в написании имен самих упоминаемых тут царей и в построении соответствующих текстов.

Кроме Келишинской билингвы имеется еще 9 надписей, приурочиваемых совместному правлению Ишпуина и его сына Менуи (№№ 19—27 по нумерации Г. А. Меликишвили).² Текст одной из них (Ашрут-Дарга) приводился выше. С построением этого текста можно сопоставить структуру 1-й части билингвы.

Надпись Ашрут-Дарга может быть разбита на две части. В 1-й упоминаются Ишпуин и Менуа. Они соорудили святилище бога Халда: ^mIšpuiniše ^mSardurieḫiniše ^mMenuaše ^mIšpuiniḫiniše ^dḪaldiei susi šidištuni 'Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина бога Халда святилище воздвигнули' (стк. 1—2, 6—7, текст повторяется два раза). Во 2-й части говорится об одном Ишпуине и ему присваивается титулатура царя: ^dḪaldinini ušmašini ^mIšpuinini ^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠARRU alsuini SAR MĀTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU teruni ardiše 'бога Халда (Халдовою) мощью Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь великий, царь стран Биаин, властитель города Тушпы. Он установил правила' (стк. 2—3, 7—8). Часть 1-я служит вступлением ко 2-й. Отсюда можно прийти к выводу, что надпись относится к царствованию одного Ишпуина. Только ему присваивается царский титул. Менуа сопутствует Ишпуину, но не царствует вместе с ним.

Такой же разбивке поддается и 1-я часть билингвы. В начале говорится о приходе в город Ардини (Мусасир) Ишпуина и Менуи, о сооружении святилища, посвященного богу Халду, и о постановке стелы с надписью. Царский титул сохраняется за одним Ишпуином: iu ^dAldi-kai ÂLU Ardinidi nunali ^mIšpuinini

² Г. А. Меликишвили, *ук. соч.*, стр. 125—149.

^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU ^mMenua ^mIšruiniḫe iarani šidištuni ^dAldie... teruni DUB.TE iarani-kai 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы [и] Менуа сын Ишпуина, святилище воздвиг(ли) богу Халду... установил(и) стелу с надписью пред святилищем' (стк. 1—7). В последующем изложении выступает один Ишпуин: ^mIšruiniše ^mSardurḫiniše naḫuni urišḫi gazuli niribi gasuli... 'Ишпуин сын Сардура поднес оружие прекрасное, жертвенный скот прекрасный...' (стк. 7—9).

Описание совместного действия (приход в Мусасир, сооружение святилища и постановака стелы) предшествует основному тексту, повествующему о том, что совершил царь для прославления культового места. Таким царем остается один Ишпуин. О нем же говорится во второй части билингвы, где имя его также сопровождается царским титулом: iu ^dAldi-kai ALU Ardinidi nunabe ^mIšruinini ^mSardurieḫe ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušpa-ÂLU 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришел Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы' (стк. 16—19). Менуа во всем обширном тексте билингвы нигде не получает титула царя. Он упоминается лишь как сын Ишпуина.

Кроме этого контекстового сходства следует отметить еще одну общую для сопоставляемых текстов особенность, а именно постановаку имени Ишпуина с дополнительным суффиксом -ni (Išruini-ni). При анализе текста Келишинской билингвы эта грамматическая форма заслуживает особого к ней внимания.

Этим суффиксом снабжаются стоящие в именительном падеже специально выделяемые имена собственные. Его получают поставленные в этом падеже имена биайнских царей Ишпуина и всех следующих за ним, ср.: ÂLU Ardinidi nunabe ^mIšruini-ni ^mSardurieḫe 'в город Ардини пришел Ишпуин сын Сардура' (Келишин, стк. 17—18); ^dḪaldinini ušmašini ^mIšruini-ni ^mSardurieḫe 'Халдовым могуществом Ишпуин сын Сардура' (Ашрут-Дарга, Над. № 25, стк. 2, 7); ^dḪaldinini alsuišini ^mMenua-ni ^mIšruinieḫe 'Халдовым величием Менуа сын Ишпуина' (Мурад-Су, Над. № 39, стк. 17—18). Во всех этих примерах за именем собственным следует царский титул; ср. также надписи других биайнских царей: ^dḪaldinini alsušini ^mSarduri-ni ŠARRU DAN.NU... (Армавир, Над. № 165, стк. 8—9); ^mRusa-ni ^mSarduriḫi ŠARRU DAN.NU... (Нор-Баязет, Над. № 265, стк. 7—8)³.

³ Несоблюдение этого правила усматривается в двух надписях (№№ 287 и 292). Чтение обеих вызывает сомнение. Надпись № 287 (на щите) дефектна.

Суффикс *-ni* прибавляется к особо выделяемым именам собственным вне зависимости от наличия царской титулатуры. Этим суффиксом снабжается также имя бога в именительном падеже, ср. часто встречающееся ^dHaldi-ni uštabi 'бог Халд выступил' (Сард. лет. А, стк. 1; Язлиташ, Над. № 36, стк. 1 и др.). Такое же оформление в аналогичных текстах получает и царское имя, ср. в тех же надписях: uštabi ^mSarduri-ni ^mArgištihi 'выступил Сардур сын Аргиштия' (Сард. лет. А, стк. 3—4); uštabi ^mMenua-ni ^mIšruiniehi uluštaibi ^dHaldi-ni 'выступил Менуа сын Ишпуина, предводил бог Халд' (Язлиташ, стк. 5—6). Имя царя и имя бога, стоящие в именительном падеже, получают тот же суффикс *-ni*.

Только в стереотипной формуле славословия имя царя лишается этого суффикса, но без него может ставиться и имя бога: ^mIšruini kuruni ^mMenua kuruni 'Ишпуин всемогущ, Менуа всемогущ' (Над. № 21, стк. 12—13; № 22, стк. 13—14; № 24, лиц., стк. 13). Оба лица отмечаются как облеченные властью. Отсюда можно заключить, что оба они царствовали, хотя имена их лишены дополнительной суффиксации. В формуле славословия также пишется и имя бога, ср.: ^dHaldi kuruni 'бог Халд всемогущ' (Язлиташ, Над. № 36, стк. 3). Можно полагать, что прославление бога и всемогущего царя уже является достаточным их выделением, не требующим такого же обозначения указанным суффиксом.

Без суффикса *-ni* ставится имя бога в славословии, начиная с надписей Менуи. До них (в повествованиях о совместном правлении Ишпуина и Менуи) употребляется форма с наращением данного суффикса: ^dHaldi-ni kuruni (Над. № 20, лиц., стк. 22, обор., стк. 7; № 21, стк. 7; № 22, стк. 7; № 23, стк. 2; № 24 лиц., стк. 7, обор., стк. 8). Такая особенность в написании имени собственного (бога) в надписях совместного правления Ишпуина и Менуи отразилась на тексте одной надписи того же времени, в которой имя прославляемого царя не везде получило тот же суффикс. Имя Ишпуина стоит в ней без суффикса *-ni*, тогда как имя его соправителя Менуи оканчивается этим суффиксом: ^mIšruini kuruni ^mMenua-ni kuruni (Над. № 24, обор., стк. 14—15). Среди остальных надписей такое начертание царского имени в этой формуле славословия является исключением. Даже в повторном изложении того же текста в той же самой Над. № 24 оба имени поставлены в славословии без дополнительной суффиксации (лиц.

Сохранилось начало царского титула и не вполне ясный знак перед ним. Что касается второй из упомянутых надписей (№ 292), то в ней перед титулом царя восстанавливают (^mRu)-sa-a без суффикса *ni*. Надпись начертана на щите, доставленном в Британский музей. В других надписях того же Русы сына Эрменсы перед царской титулатурой стоит ^mRu-sa-a-ni (ср. Над. № 295). Возникает сомнение в правильности чтения ^mRu-sa-a на щите Британского музея.

стк. 13): ср. обор.: uštali ÂLU Meištaedi ^mIšruini-ni ^mSardurieḫe ^mMeinua-ni ^mIšruinieḫe manu ^mIšruini kuruni ^mMeinua-ni kuruni (стк. 11—15); ср. лиц.: uštali ÂLU Meištaedi ^mIšruini-ni ^mSardurieḫe ^mMeinua-ni ^mIšruinieḫe manu ^mIšruini kuruni ^mMenua kuruni (стк. 10—13) 'выступили в город Меишта Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина. Ишпуин всемогущ, Менуа всемогущ'.

В других надписях имя царя, поставленное в именительном падеже, помещается в славословии без суффикса -ni и получает его во всех остальных случаях. Такой дополнительной суффиксацией выделяются имена царствующих лиц, ср. например: uštali ^mLušainiedi ^mIšruini-ni ^mSardurieḫi ^mMenua-ni ^mIšruiniḫi 'выступили против Луша Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина' (Гюсненц, Над. № 21, стк. 9—11). Надпись относится к совместному правлению обоих царей, и оба их имени снабжены суффиксом -ni.

Отмеченные особенности написания имен собственных, в данном случае царских, выступают также в тексте Келишинской билингвы. В приведенном выше самом ее начале⁴ говорится о посещении города Ардини (Мусасира) Ишпуином и Менуей. Текст дефектен. В каком числе поставлен глагол, неясно (puna-li? от основы puna- 'приходить', в форме 3-го лица аориста). За ним следуют имя Ишпуина, стоящее в именительном падеже с суффиксом -ni (Išruini-ni), и царская его титулатура. Он царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушпы (ŠARRU DAN.NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušra-ÂLU). Стоящее далее имя Менуи не сопровождается царским титулом, сохраняемым только за Ишпуином, само имя Менуи не оканчивается суффиксом -ni (Menua), которым снабжено имя его отца Ишпуина (Išruini-ni). Отсюда можно заключить, что Менуа еще не был царем, соправителем Ишпуина. Он сопутствует своему отцу, но не разделяет с ним царской власти.⁵

Подтверждением этому могут служить также и использованные грамматические формы глаголов. Целый ряд их, стоящих в первой части, дефектен в написаниях личных окончаний, которые восстанавливаются интерпретаторами текста. К числу таких глаголов, кроме упомянутого выше целиком восстанавливаемого punali, принадлежат образованные от основ šidištu- 'воздвигать' и teru- 'устанавливать': šī-di-iš-tú-(ni), te-ru-(ú-ni). Далее в том же

⁴ См. стр. 73.

⁵ Ср. ряд надписей, относящихся к периоду царствования Менуи, где его имя остается без суффикса -ni (Menua); но здесь это имя стоит не в именительном падеже, а в косвенном (дательном), к которому данный суффикс не прибавляется, ср.: ^dHutuini bidini ^mMenua ^mIšruinieḫinie ^mInušrua ^mMenua-ḫinie ulguše pišuše alsuiše 'со стороны бога Хутуини Менуе сыну Ишпуина, Инушпуе сыну Менуи жизнь, радость, величие' (Над. № 94, стк. 4—7; ср. №№ 93, 94, 95). В Келишинской билингве на стк. 4 написание Menua восстанавливается в дефектном тексте.

тексте первой части надписи поставлено имя царя Ишпуина, которому и приписываются все перечисляемые дальше деяния, причем здесь глаголы стоят в обычной для урартского языка форме аориста с объектным показателем единственного числа (-ni) без показателя субъекта, что свойственно переходному глаголу, передающему действующее лицо в единственном числе: *naḥu-ni urišḫi gazuli niriḫi gazuli naḥu-ni...* 'преподнес-он вооружение прекрасное, (жертвенный) скот прекрасный, преподнес...' (стк. 8—9). Перечисленные жертвоприношения совершает один царь (Ишпуин). Сын его Менуа тут не упоминается. Он прибыл в Мусасир вместе с отцом, но все, что делается для прославления святилища, приписывается одному Ишпуину. Этому вполне соответствует даваемое мною толкование первых строк надписи (1—7), где речь идет о прибытии в Мусасир (Ардини) царя Ишпуина, сопровождаемого сыном Менуей.

Вполне возможно, что даже в первых строках билингвы (5—6) испорченные в своем написании глагольные формы *šidištu(-)*, *teru(-)* стояли также без субъектного показателя, передавая действие 3-го лица единственного числа, с одним только объектным показателем: *šidištu(ni)*, *teru(ni)*, то есть в той же форме, что и поставленные дальше *naḥuni* (стк. 8—11, 14) и последующие *teruni*, *aguni* (стк. 12). Хотя в Мусасир пришли Ишпуин и Менуа, но действующим лицом с самого начала текста остается один Ишпуин. Это подтверждается тем, что в соответствующих строках ассирийского текста стоит глагол в 3-м лице единственного числа. Едва ли прав Г. А. Меликишвили, приписывающий переводчику непонимание „урартской глагольной формы“.⁶ Наоборот, мне кажется, что писец вполне правильно передал урартский глагол, построенный по всем нормам основного языка Биайны, а вовсе не его мусасирского говора.

Такому тексту 1-й части вполне соответствует изложение 2-й, которая является по своему содержанию как бы продолжением предыдущей. В 1-й части, начиная со строки 7, перечисляются принесенные Ишпуином пожертвования. Во 2-й части от лица Ишпуина говорится о том, что должно быть сделано с преподнесенными дарами. Менуа в этих строках не только 2-й, но и 1-й части вовсе не упоминается. Перерыв между частями заполняют строки, аналогичные первым строкам надписи, но без имени Менуи и с повторением царского титула, сохраняемого за Ишпуином: *iu ^dAldi-kai ALU Ardinidi nunabe ^mIšpuini-ni ^mSardurieḫe ŠARRU DAN. NU ŠAR MÂTU šuraue ŠAR MÂTU Biainaue alusi ÂLU Tušra-ÂLU* 'когда перед богом Халдом в город Ардини пришел Ишпуин сын Сардура, царь могущественный, царь вселенной, царь стран Биайн, властитель города Тушны' (стк. 16—19).

⁶ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 131, примеч. 72.

Если окажется убедительным отнесение 1-й части билингвы к царствованию одного Ишпуина, то повествующая о нем же 2-я часть может содержать описание не предшествовавших событий, а их продолжения. За это говорит единичное упоминание Менуи только в начале 1-й части, отсутствие там за его именем царского титула и грамматическая форма падежа, а также то, что в той же 1-й части, после вступительных строк, извещающих о прибытии в Мусасир двух лиц (стк. 1—7), говорится только об одном Ишпуине (стк. 7—16), так же как и во 2-й части (стк. 16—25). Сомнение в последовательности хода излагаемых событий возбуждает лишь отмеченное выше повторение начальных строк надписи: *iu^d Aldi-kai ÂLU Ardinidi nunabe Išpuinini...* 'когда пред богом Халдом в город Ардини пришел Ишпуин...' (стк. 16...). Но эта вставка могла явиться результатом особого стиля царского повествования, подчеркивавшего выдающееся значение деяний царя, прославляющего центр биайнского культа.

В 3-й части билингвы приведена формула проклятия. Она начинается с наречия *iu* 'когда', повторенного два раза (*iu iu*). Первое из них едва ли можно отнести к концу 2-й части надписи. Это наречие обычно предваряет соответствующую фразу и не помещается в ее конце. Поэтому вернее отнести дважды поставленное наречие к началу 3-й части. Такое же наречие, но в единичном написании, стоит впереди обеих предшествующих частей надписи. Им разбивается последовательный ход изложения на ряд глав, идущих одна за другой. Помещение дважды повторенного наречия 'когда' несколько видоизменяет начало 3-й части, усиливая ее значение по сравнению с первыми двумя, как заключительной главы всего повествования. Повторное написание одного и того же наречия может по своему содержанию соответствовать русскому 'когда же наконец'.

Этому отвечает содержание всех трех частей билингвы. В ее начале (1-я часть) говорится о том, что Ишпуин и ему сопутствующий Менуа пришли в Мусасир, где Ишпуин соорудил святилище богу Халду и водрузил стелу с надписью. В середине билингвы, начиная с тех строк 2-й ее части, где перечисляются принесенные Ишпуином пожертвования, имя Менуи опущено. Здесь упоминаются подношения Ишпуина и указывается, что должно быть с ними сделано. В конце билингвы (3-я часть) вновь появляются оба имени. Ишпуин и Менуа, принеся жертву богу Халду, произносят заклинание, заканчивающееся угрозой тому, кто осмелится удалить с места или разбить ту самую стелу с надписью, о которой говорилось в начале царского повествования (1-я часть билингвы). Таким образом во всем тексте билингвы трудно усмотреть описание трех различных посещений Мусасира биайнским царем, одним или совместно с сыном. Весь текст объеди-

няется заключительной частью с изложенной в ней формулой проклятия, которая и начинается словами: *iu iu* 'когда же наконец'.

Заклинание начинается с этих слов: 'когда же наконец пред богом Халдом в город Ардини пришли Ишпуин сын Сардура [и] Менуа сын Ишпуина, они заклали богу Халду жертвенных животных [и] сказали' (*iu iu* ^dHaldi-kai (ÂLU Ar)dinidi nunali ^mIšpui(nini) ^mSardureḫe ^mMenua ^mIšpuiniḫe (atqana)ditu ^dHaldie niribe tiaitu, стк. 25—28). Глаголы здесь стоят с субъектным показателем 3-го лица множественного числа: *nuna-li* 'пришли-они', *atqanad-itu* 'принесли (заклали)-они жертву', *tia-itu* 'сказали-они'. Глаголы согласованы с двумя действующими лицами, с Ишпуином и Менуей. Они оба вновь упоминаются, связывая конец надписи с ее началом. Но точно читаемое имя Менуи (Me-nu-a) и в этой последней (3-й) части надписи, так же как и в 1-й, лишено суффикса. Следовательно, и тут Менуа не выступает царем.

В 3-й главе приводится формула проклятия, прсвозглашением которой предваряется жертвоприношение: *atqanaditu* ^dHaldie niribe tiaitu 'заклали богу Халду жертвенных животных [и] сказали' (стк. 28). Далее следует само заклинание, которое разбивается на две части. В 1-й обращается проклятие на того, кто захватит у Халдовых ворот жертвенный скот: *aluše niribe* ^dHaldinani BÂBU ḫaulie (стк. 28—29). Здесь имеется в виду тот перечисленный в 1-й части билингвы обильный скот (*niribe taḫae*, стк. 11), который Ишпуин преподнес (*naḫuni*) богу Халду и установил у его врат (*teruni* ^dAldina BÂBU, стк. 12). Стадо в несколько тысяч голов скота было посвящено богу Халду, поэтому его гнев призывается в произносимом проклятии на лицо, виновное в предполагаемом хищении: ^dHaldiše zilbe qiuḫaedi kuludi(...) 'бог Халд потомство [его] на земле пусть изничтожит' (стк. 35—36). О стадах, установленных у божественных ворот, и упоминается в заключительном тексте. Это не те жертвенные животные, которые Ишпуин и Менуа принесли в жертву (*atqanaditu*) перед произнесением заклинания.

Часть 2-я формулы проклятия повторяет установившийся стереотип заклинательного текста. В нем призывается гнев богов на лицо, покушающееся на цельность стелы и нанесенной на ней надписи: *aluše DUB.TE ini suidulie...* 'кто эту стелу выбросит...' (стк. 37). Имеется в виду та стела с начертанной на ней двуязычной надписью, о которой повествуется в начале билингвы: *teruni DUB.TE iaranī-kai* 'воздвиг-он стелу [с надписью] перед святилищем' (стк. 6—7). Таким образом весь текст заклинания, приведенного в 3-й части билингвы, остается в тесной связи с ее первыми двумя частями.

Формула проклятия может завершить собою описания событий ряда годов. Например, в надписях с историческим содержанием,

представляющих собою летописи, передаются эпизоды различных лет жизни повествующего царя. Помещаемое здесь заклинание связывается со всем предшествующим текстом, так как проклятие обращается на покушающегося уничтожить сам памятник с начертанной на нем надписью, излагающей последовательную серию походов (ср. летописи Аргиштия). Но Келишинская билингва не относится к числу летописных сказаний. Сама формула проклятия в этой надписи получает по своему построению несколько необычный вид. Она дважды обращается к карающему божееству. Один раз бог Халд должен наказать похитителя посвященного ему стада жертвенных животных. В другой раз сонм богов должен обрушиться на лицо, уничтожающее сам письменный памятник.

Разбитый на эти две части весь текст заклинания все же объединен в единое по своему изложению целое, занимающее всю 3-ю часть билингвы. Если бы в ней приводилось описание разновременных посещений Мусасира, то пришлось бы предположить, что Ишпуин, сопровождаемый своим сыном Менуей, специально в третий раз прибыл в этот город только для того, чтобы произнести заклинательный текст, проклиная тех, кто покусится на цельность ранее воздвигнутой стелы и на сохранность стад скота, приведенных в иные годы. Остается прийти к выводу, что билингва не содержит описания разновременных походов и что она по своему содержанию относится к периоду единоличного правления царя Ишпуина.

В урартском языке, согласно действующим в нем нормам спряжения переходного глагола, последний при субъекте в единственном числе получает одни показатели объекта. Субъектные показатели ставятся только при действующем лице во множественном числе. Этим нормам спряжения в точности соответствуют грамматические формы глагола Келишинской билингвы. Выступающие в ее первой части *paḥu-ni* 'преподнес-(он)-его' (стк. 8 след.), *teru-ni* 'установил, поставил-(он)-его', *agu-ni* 'дал-(он)-его' (стк. 12) построены по объектному спряжению, так как действие совершается одним Ишпуином (стк. 7—8). Если представляется обоснованным предположение о том, что тот же царь выступает одним действующим лицом и в предыдущих двух строках, то восстановление дефектных окончаний глаголов *ši-di-iš-tú-(ni)* 'воздвиг, построил-(он)-его' (стк. 5) и *te-ru-(ú-ni)* 'установил-(он)-его' (стк. 6) должно быть признано правильным. В заключительной части надписи (стк. 28) глаголы поставлены в 3-м лице множественного числа субъекта, так как они согласованы с Ишпуином и Менуей: *atqanad-itu* 'совершили-они жертвоприношение', *tia-itu* 'сказали-они'. Все приведенные глагольные формы построены по одной, общей для урартского языка, системе спряжения. Здесь не удастся установить те разновидности глагольных построений,

которые выступают в сопоставляемых двух текстах надписи Мхер-Капуси.⁷

В основах имен и в их склонении незаметно никаких отклонений от выдержанных грамматических правил языка других урартских надписей. Только в необычном написании имени бога Халда (Aldi) можно усмотреть влияние мусасирского говора (стк. 12, 16, 22). Эти замечания, так же как и анализ содержания самого текста, дают основание считать всю билингву не только написанной одновременно, но и излагающей события одного и того же посещения Мусасира царем Ишпуином и его сыном Менуей.

К сожалению, стела Келишина сохранилась со многими дефектными местами, которые издателям текста приходится реставрировать. Написание имени царевича Менуи без суффикса -ni правильно восстанавливается на стершемся месте строки 4, так же как правильно восстанавливается имя царя Ишпуина с наличием этого суффикса на строках 17 и 26. В таком его написании это ясно читаемое имя выступает на строке 2 той же билингвы: (Iš-)ru-u-i-ni-ni. Начертание имени Менуи без суффикса -ni ясно читается на строке 27: Me-ni-a.

В тщательно восстанавливаемом тексте Келишинской билингвы особое внимание обращается на местоположение царского титула. Он помещается в билингве непосредственно за именем Ишпуина, сохраняющим суффикс -ni в его отчетливом чтении (стк. 2—4). С таким суффиксом пишутся имена царей, сопровождаемые царским титулом и без него, ср., например, Над. № 39 Палу: uštabe ^mMeṇua-ni ^mIšpuinieḫe... ^mMenua-ni ^mIšpuinieḫe ŠARRU DAN.NU ŠARRU alsuine... (стк. 6—7, 18—20). Этим правилам написания царского имени вполне соответствует реставрированный текст билингвы, в котором титулатура царя поставлена за именем Ишпуина и перед именем Менуи. Тем самым подтверждается приурочение царского титула одному Ишпуину. Им совершаются описанные деяния, что подтверждается также ассирийским текстом билингвы, где глагол стоит в 3-м лице единственного числа. Только в 3-й части билингвы, в которой к проклятиям Ишпуина присоединяется также Менуа, глагол поставлен в 3-м лице субъекта множественного числа: at-qanad-itu 'пожертвовали-они', tia-itu 'сказали-они' (стк. 28). Анализ текста с отмечаемыми в нем особенностями помещения царской титулатуры и грамматического оформления имен собственных Ишпуина и Менуи позволяют отнести Келишинскую билингву к периоду царствования Ишпуина.

⁷ В одном тексте надписи Мхер-Капуси глаголы при множественном числе действующих лиц сохраняют объективный строй спряжения. В другом тексте того же содержания те же самые глаголы получают субъектные и субъектнообъектные показатели.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Сокращения	5
Спряжение урартского глагола	6
Спряжение непереходного глагола в аористе	8
Спряжение переходного глагола в аористе	14
Общая характеристика урартского глагола в аористе	31
Глагол в настоящем-будущем времени (пермансив)	33
Наклонения и особые образования от глагольных основ	36
Урарто-картвельские параллели	54
Келишинская билингва	73

ИВАН ИВАНОВИЧ МЕЩАНИНОВ
Грамматический строй урартского языка

Часть вторая

*

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР*

*

Редактор Издательства А. А. Зырин.
Художник Д. С. Данилов.
Технический редактор В. Т. Бочевер.
Корректоры Н. И. Кизим и Э. В. Коваленко

◆

Сдано в набор 8/VI 1962 г. Подписано к печати 13/IX 1962 г. РИСО АН СССР № 29-108В. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бум. л. 2^{3/4}. Печ. л. 5^{1/2} = 5^{1/2} усл. печ. л. Уч.-изд. л. 5.58. Изд. № 1838. Тип. вак. № 707. Тираж 1300. Цена 53 коп.

Лен. отд. Изд. Акад. наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Изд. Акад. наук СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12